

Валерий ГОРШКОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ТЮРЬМА
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
В РЯСЕ СМЕРТНИКА

Тюрьма особого назначения

Валерий Горшков

В рясе смертника

«Автор»

Горшков В. С.

В рясе смертника / В. С. Горшков — «Автор», — (Тюрьма
особого назначения)

В каком-то интернет-форуме был задан вопрос: нужно ли людям защищать свою веру? Кто-то утверждал, что Бог поругаем не бывает. Кто-то цитировал священные книги и призывал к непротивлению... Отец Павел, главный герой этого романа, служит в церкви при тюрьме для пожизненно осужденных. Несмотря на то, что в камерах, в этом адовом скопище, влачат низменное существование убийцы и насильники, священник все равно находит в их душах светлые искры добра и любви. И еще он твердо убежден, что вера нуждается в защите – в первую очередь от банды сатанистов, которая держит в страхе весь город. Отец Павел объявляет им священную войну, и волю его укрепляет безграничная вера в торжество добра да бойцовский дух, закаленный за годы службы в подразделении специального назначения.

© Горшков В. С.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валерий Горшков

В рясе смертника

Пролог

За окном купе пассажирского поезда Санкт-Петербург – Вологда медленно проплывали чахлые огороды и кособокие сараи, пришедшие на смену тянувшейся на десятки километров дикой северной тайге и бесконечным бетонным заборам, складам и цехам пригородной промышленной зоны. Каждый раз, когда я видел эту нищету, мое сердце сжималось от щемящей тоски по потерянной стране. Какой бы она ни была и какими бы эпитетами ее сейчас ни награждали, она была действительно любимой, единственной, той, которую хотелось защищать с оружием в руках и с гордостью смотреть на подъем ее флага. Но сейчас мне все чаще казалось, что жизнь в той стране была всего лишь сном, миражом, наваждением, что не было ни детства, ни школы, ни Рязанского высшего военно-десантного училища, ни чужой войны, ни моей любимой Вики, ни беды, круто поломавшей мою дальнейшую жизнь, ни духовной семинарии и существовали только населенный убийцами мрачный остров и моя не раз подвергшаяся испытаниям вера...

Поднявшись с сиденья, я принялся одеваться, благо мне никто не мешал: мои попутчики по купе, милая пожилая супружеская пара, бывшие актеры одного из камерных питерских театров, на днях отметившие полвека совместной жизни и приехавшие навестить сына-егеря и троих внуков, сошли на предпоследней перед Вологодой станции. А мой путь снова, во второй раз в жизни, лежал в Вологду. Проведя два месяца в Санкт-Петербурге, я возвращался в древний монастырь, ставший ныне узилищем особого назначения. Я не был на берегах Невы почти три года, пролетевших как один день, в который уместилась целая жизнь. Для обитателей Каменного острова, крохотного пятачка суши, где я служил настоятелем тюремной церкви, время остановилось навсегда.

Поезд сбавил ход. Через запотевшее окно купе я разглядел перрон вологодского железнодорожного вокзала, замелькали лица встречающих...

Я подошел к зеркалу на двери и надел поверх черной рясы большой серебряный крест – тот самый, что спас меня от заточки серийного убийцы Маховского и теперь имел на себе памятную отметину. Пригладив ладонями волосы, заметно поседевшие со дня моего первого приезда в этот красивейший русский город, я веревочкой стянул их на затылке. Подождав, пока поезд, взвизгнув тормозами и дважды гроыхнув вагонной сцепкой, окончательно остановится напротив здания вокзала, я взял чемодан и вышел в коридор, в котором уже толпились со своим багажом устремившиеся к выходу распаренные пассажиры. Где-то в тамбуре громко ругнулась некрасивая склочная проводница, открывая заслонку над ступеньками и распахивая дверь вагона...

Встречавшего меня Андрея Каретникова, старшего прапорщика внутренних войск, я заметил сразу. Он стоял рядом с газетным киоском и курил, выискивая взглядом среди высыпающих на перрон людей приметную фигуру бородатого мужчины в длинном, до пят, одеянии священника. Заметив меня, Андрей торопливо затянулся, бросил окуроч в урну и пружинисто шагнул навстречу.

– Здравствуй, отец Павел. – Мы обменялись рукопожатием. – Давайте я возьму ваш чемодан...

– Здравствуй, Андрюша. Ничего, своя ноша не тянет. Да и на немощь я, слава богу, пока не жалуюсь. Ты один?

– Да, – кивнул парень. Не так давно, в день своего двадцатисемилетия, он прямо на острове первым из охранников прошел обряд православного крещения. – Машина там, на стоянке. Как съездили?

– С божьей помощью, – сдержанно ответил я. – Успел сделать все, что хотел.

В течение пятнадцати часов, прошедших с того момента, как на перроне Финляндского вокзала Петербурга я расстался с генералом Корначом, меня не покидало ощущение тревоги. Возможно, волновался я зря, но сердцу приказать невозможно – иногда оно начинает болеть без видимых на то причин, и лишь потом мы понимаем: оно не ошибалось, оно предчувствовало... Сам я считал свою тревогу следствием годами копившегося перенапряжения и тех событий, которые мне пришлось пережить в Петербурге. Это удивительное переплетение событий несло в себе, как мне казалось, некий мистический знак, смысла которого я покуда не мог постичь.

Обойдя здание вокзала, мы подошли к стоящему возле стоянки такси микроавтобусу «Додж». Он принадлежал нашему сверхрежимному учреждению ГУИНа. Машина напоминала о денежном пособии, которое Совет Европы предоставил с целью технического обустройства первого в России пристанища для помилованных смертников. И, судя по уменьшению числа свободных камер на острове, далеко не последнего...

Каретников сел за руль, подождал, пока я устроюсь в салоне и захлопну дверцу, запустил мотор и резво тронулся с места, на всякий случай включив без sireны проблесковый маячок на крыше автобуса. Обгоняя попутные автомобили, черный «Додж» помчался к шоссе, по которому нам предстояло намотать около ста двадцати километров до поворота на грунтовку...

На минуту отвлекшись от очередной волны воспоминаний о поездке в Питер, я перевел взгляд с проносившихся за пуленепробиваемым стеклом пейзажей на ловко лавировавшего в потоке транспорта молчуна Андрея. Этот светловолосый парень с сильными руками и лицом выпускника престижного вуза был в числе тех охранников Каменного, с которыми я быстро нашел общий язык. Но таких оказалось меньше, чем хотелось бы. Трудная и опасная служба по охране заключенных, сплошь кровавых душегубов, насильников и садистов, которым уже абсолютно нечего терять, в душе каждого офицера и прапорщика оставляет неизгладимый след. Поэтому неудивительно, что часть контролеров к самому факту пребывания на закрытом острове священника, «ведущего с маньяками душеспасительные беседы», относилась, мягко говоря, скептически. А подчас люди открыто злословили и откровенно ухмылялись не только у меня за спиной, но и в лицо...

За время моего почти беспрерывного (если не считать редких выездов в Вологду) пребывания вдали от цивилизации вообще много чего изменилось...

После той памятной истории с подпольным производством амфетамина и попыткой побега из вологодской тюремной больницы бандита и убийцы Завьялова, когда были чудом обнаружены в подземелье под монастырем сокровища, спрятанные последним настоятелем, и произошло похожее на сказку счастливое возвращение в нормальную жизнь невинного человека, многие месяцы носившего полосатую робу смертника, – после всего этого охрана тюрьмы была поспешно заменена. На смену крепким бойцам из отряда «Кедр», по слухам, отправившегося в составе спецназа внутренних войск в мятежную Чечню, пришли особо проверенные контролерские кадры из других колоний и тюрем страны. Каждые шесть месяцев во избежание эксцессов проводилась их частичная ротация. На постоянной основе несли службу лишь начальник тюрьмы, его заместитель и костяк из двух десятков старших контролеров. Среди них был и Андрей Каретников...

– Что нового в древних монастырских стенах? – спросил я, когда «Додж», оставив позади перечеркнутый красной полосой дорожный указатель, вылетел за городскую черту.

– Так, все в пределах нормы... – пожал плечами старший прапорщик. – Несколько нападений на конвоиров с легким ранением заточкой, пара вскрытых вен – сорок третий и сто

седьмой, обоих док вытащил и заштопал... Зря, наверное. Если эти уроды сами не хотят жить, зачем им мешать? Пусть проваливают в свой ад как самоубийцы, им туда прямая дорога...

– Врач делает свою работу, а на остальное – воля божья, – сухо сказал я в ответ, с болью вспомнив о заключенном Скопцове, в отчаянии неоднократно перегрызавшем себе вены в камере-одиночке. Если бы не доктор Семен Аронович, покинувший остров после того, как обнаружилось, что он продает на сторону выделяемый для заключенных морфий, если бы не доктор, то простой питерский таксист Вадим Скопцов так и не дожил бы до торжества справедливости и не вдохнул бы полной грудью воздух свободы. Это была трагическая ошибка следствия, во что бы то ни стало стремившегося гордо отчитаться о поимке серийного убийцы. Как известно, за преступления, совершенные маньяками Михасевичем и Чикатило, были расстреляны невинные люди.

С тех пор таких трагедий, слава богу, не случалось, по крайней мере на моей памяти... Я очень сомневался в том, что среди других полутора сотен душегубов – моей основной и весьма специфической паствы – есть еще невинные, хотя мне день за днем приходилось вновь и вновь слушать лживые клятвы и смотреть, как стоящие на коленях рыдающие убийцы размазывают по лицу сопли и до крови разбивают голову о бетонный пол камеры, строя из себя безвинных страдальцев. Я привык и к постоянному вранью, и к периодическим истерикам с заведомо невыполнимой просьбой вернуть отмененный смертный приговор. Я привык к мысли, что мне суждено лично познакомиться со всеми теми нелюдями, которых судят в России за чудовищные изуверства и о похождениях которых с леденящими душу подробностями пишут охочие до чернухи газеты. И главное – я научился глядеть на убийц глазами священника, а не прокурора или палача.

– Ну и не далее как вчера подбросили еще двоих «полосатых». Весьма примечательные твари! – после паузы продолжил Андрей. – Бандюга из Москвы и директор детского дома-интерната из Тюменской области. Когда этот лысый педофил узнал, что на острове есть свой священник, он начал биться в истерику и требовать встречи. Так что вас уже ждут с нетерпением, отец Павел!..

В голосе вполне лояльного к моей духовной миссии контролера все-таки проскользнула неприкрытая ирония.

– Каждый грешник имеет право на покаяние, остальное в руках господ, – тихо ответил я, снова отвернувшись к окну и невидящим взглядом скользя по примелькавшимся кустам и деревьям на обочине дороги, которая для всех, кроме одного из обитателей тюрьмы, стала последним, бесконечно затянувшимся коридором в никуда. Даже после смерти тело приговоренного не разрешалось передавать родственникам. Убийцу ждала одна из безымянных могил на тюремном кладбище и кособокая табличка с номером вместо креста. Обратной дороги с Каменного не было...

Предстояло около двух часов пути, говорить больше не хотелось, и под монотонный шорох шин и покачивание амортизаторов я вскоре снова погрузился в воспоминания о своей полной драматизма и мистических совпадений поездке в Санкт-Петербург.

Глава 1

Моим попутчиком по купе оказался общительный, не по годам возмужалый двадцатилетний голубоглазый блондин Юрка (он именно так и представился). Коренной житель Вологды, он, в отличие от большинства мирян, не испытал чувства легкой неловкости, случайно оказавшись в одном купе со священником. И первым быстро и непринужденно пошел на контакт.

Я сказал, что служу настоятелем церкви на острове Каменный, и Юрка сразу все понял – он знал о существовании в области тюрьмы для пожизненно осужденных и, вопреки моим ожиданиям, не стал задавать никаких обывательских вопросов. Вскоре за стаканом чая с печеньем он сам поведал мне короткую, но насыщенную событиями историю своей жизни. Было видно, что пареньку очень хочется выговориться, и я, священник с мрачного острова, оказался Юрке самым лучшим слушателем из всех возможных, тем более что рассказанная моим попутчиком история действительно стоила того, чтобы ее выслушали...

Еще месяц назад Юрка воевал в Чечне в составе сводного батальона морской пехоты Северного флота. До дембеля ему оставалось не больше месяца, когда из дома пришла срочная телеграмма, заверенная главврачом горбольницы. Телеграмма шла больше двух суток, проделав кружной путь через Североморск. В ней сообщалось, что его мама внезапно заболела и в настоящий момент находится в реанимации, состояние ее здоровья очень тревожное. Ротный Юрки не стал медлить, ограничился лишь звонком в военкомат Вологды с просьбой срочно проверить факт, изложенный в телеграмме. Подтверждение пришло уже спустя несколько часов: мать старшего сержанта Юрия Величко скончалась утром того же дня. Офицер не стал сообщать бойцу, и без того вкусившему все прелести новой кавказской войны, эту трагическую новость, просто отправил в военкомат Вологды предписание об увольнении старшего сержанта Величко в запас, помеченное датой окончания отпуска. Об этой простой и человеческой комбинации отцов-командиров Юрка узнал уже дома, когда пришел вставать на временный учет...

После смерти мамы, в течение долгого времени скрывавшей от единственного сына заработанный на асбестовом производстве рак и тайно принимавшей обезболивающие препараты, Юрка остался на гражданке совсем один, получив в наследство лишь комнату в коммуналке – единственное, что смогла заработать мать за двадцать пять лет.

А на следующее утро после скромных похорон Юрка случайно нашел между книг на полке письмо, адресованное ему в часть. Мама написала его за день до срочной госпитализации, но так и не успела отнести на почту. Зная о поставленном врачами страшном диагнозе и боясь, что не сможет дождаться сына со службы, она не смогла больше хранить главную тайну своей юности. Юра с раннего детства считал, что его отец – военный летчик, погибший при испытаниях новейшего истребителя-невидимки. А в неотправленном письме мать сообщала, что отец Юры на самом деле жив. Реальная история Юркиного появления на свет оказалась простой и начисто лишенной героики и трагизма.

Мама и отец даже не были мужем и женой. Когда молодой повеса Леня, не желая обременять себя семьей, двадцать лет назад позорно сбежал, бросив свою единственную и навеки любимую на четвертом месяце, мама не сочла нужным искать трусливого донжуана с помощью милиции – насильно мил не будешь. Сына она растила одна. Когда Юрке было семь лет и он пошел в первый класс, мать, устав от бабьего одиночества, выскочила замуж за давнего школьного ухажера, но очень скоро разобралась в своих чувствах и снова осталась вдвоем с сыном. Что касается беглого папаши, то мать долгое время не знала, где он и что с ним, да и не хотела этого знать, навсегда вычеркнув его из своей жизни. Но однажды совершенно случайно она увидела по телевизору репортаж из Санкт-Петербурга: на экране старенького «Темпа» поставивший и потолстевший сбежавший возлюбленный, улыбаясь в камеру фарфоровой улыбкой

Чеширского кота, под аплодисменты приглашенных на халявный фуршет гостей торжественно разбивал о гладкую мраморную стену открываемого им элитного ночного клуба бутылку дорогого французского шампанского. Клуб-казино назывался «Полярная звезда», а его лоснящегося сытостью хозяина звали уже не Леней, а Леонидом Александровичем Флоренским...

И сейчас бывший сержант морской пехоты Юра Величко ехал, чтобы встретиться с преуспевающим питерским бизнесменом, который лишь с биологической точки зрения являлся его отцом. Юрке, по его собственным словам, хотелось «в первый и последний раз посмотреть этому козлу в лицо», а затем он собирался вернуться домой в Вологду. После войны в Чечне Юра твердо решил поступить на службу в местный ОМОН...

Я слушал этого крепкого, серьезного, уже опаленного войной парня, смотрел в его голубые глаза и не верил в то, что он хочет всего лишь повидать отца, которого считал погибшим. Ведь было очевидно: если преуспевающий родитель выслушает сына, узнает о смерти бывшей возлюбленной, попросит прощения и предложит сыну остаться, тот останется. Но парень боялся признаться в этом даже самому себе.

На питерском вокзале я попрощался с Юрой, и мы пожали друг другу руки. Я сообщил заметно волновавшемуся парню, что в течение ближайших двух недель меня можно будет найти в Свято-Троицком храме у настоятеля отца Сергия, на что Юра твердо пообещал, что обязательно зайдет и расскажет, как прошла встреча с отцом.

С вокзала я пешком, несмотря на сильный дождь, отправился через весь центр города прямо в храм, с упоением вдыхая сырой и свежий невский воздух, разглядывая знакомые с детства дома, серебристые парковые фонари, скамейки с изогнутыми спинками – все то, что мне постоянно вспоминалось на острове.

О моем приезде отец Сергий не знал – я решил сделать ему сюрприз. Своего духовного наставника я застал за службой и до ее окончания скромно стоял в сторонке, молясь вместе с ним и прихожанами и испытывая великую радость от возвращения в эти стены, к этим святым иконам, среди которых было несколько очень древних. Особенно выделялся прекрасный образ Богородицы, которого я раньше в храме не видел. Православные образа и наставления мудрого пожилого священника сыграли в моей жизни переломную роль, а после гибели Вики удержали меня на самом краю бездны, подарили желание жить и в итоге сделали меня тем, кто я есть сейчас...

Когда служба закончилась, я подошел к отцу Сергию, и мы обнялись на глазах у служек и прихожан. Старый священник был так рад, что даже прослезился, и я увел его за бордовую бархатную шторку во внутренние покои храма. Там мы смогли спокойно поговорить.

– А у нас большая радость, – это было первое, что сказал отец Сергий, когда мы присели на стоявший в его комнатке диванчик друг против друга. – Вернулась икона Тихвинской Пресвятой Богородицы, та самая, которую выкрали в семнадцатом году и впоследствии вывезли за границу.

– Да, мимо этого образа трудно пройти, – кивнул я. – От него с такой силой исходит божественная энергия, что не нужна никакая дополнительная экспертиза.

– Ты тоже почувствовал, правда?! – схватив меня за рукав, сверкнул повлажневшими глазами отец Сергий. А я с щемящей грустью отметил, что за те три года, которые мы не виделись, настоятель сильно постарел, осунулся. – Слава богу, покойный владелец завещал ее Русской православной церкви, – перекрестившись, с чувством продолжал отец Сергий. – Говорят, французы ни за что не хотели отдавать икону, но все уладилось... Потом в патриархии долго думали, передавать ее в храм или оставить в хранилище: все-таки огромной ценности икона, оценена в два миллиона долларов, – но митрополит Владимир настоял, и вот она здесь... За антиударным стеклом и под надежной сигнализацией. А ночью храм снаружи всегда охраняет милиция.

– Тогда за сохранность образа можно не волноваться, – сказал я. – Расскажите лучше, как вы, отец? Как здоровье?

– Грех жаловаться в моем-то возрасте, – пробормотал, отведя взгляд, настоятель и добавил, меняя тему: – Что я? Разве это главное... Вот заключенный тот, Вадим Скопцов, которому ты помог выйти на свободу, теперь наш постоянный прихожанин. Приходит на все праздники, да-а... У него сейчас все хорошо, освоил профессию, работает в типографии Союза писателей, помогает нам печатать брошюры и молитвословы. Вчера вот принес новый рекламный проспект.

Встав с диванчика, настоятель, слегка прихрамывая, подошел к письменному столу, выдвинул ящик, достал глянцевый рекламный проспект и протянул мне.

– Теперь мы с помощью одной туристической фирмы организуем автобусные поездки по святым местам. Последний маршрут был в Пюхтицкий Свято-Успенский женский монастырь в Эстонии. Что делать, нужно как-то сводить концы с концами. Столько средств уходит на бесплатную столовую... А после этого дефолта, прости господи...

Настоятель, видимо, хотел добавить еще что-то в адрес кремлевских организаторов ограбления страны, но сдержался, вздохнул и, перекрестившись, сказал:

– Пока я жив, храм будет ежедневно кормить горячей пищей двести нуждающихся, а потом... потом пусть решает тот, кто меня сменит, кто примет храм.

Во взгляде отца Сергия без труда читался немой вопрос: может, это будешь ты? Конечно, быть протоиереем одного из храмов Санкт-Петербурга куда приятнее и почетнее, нежели безвылазно пребывать на мрачном острове, в окружении заживо похороненных государством жестоких преступников, абсолютное большинство которых лишь прикидываются уверовавшими и раскаявшимися, чтобы иметь возможность побеседовать с кем-то, кроме постоянного соседа по камере, почитать новые книги, развлечься игрой в пробуждение совести. Бог им судья...

Но это был мой крест, и я не мог просто так взвалить его на плечи кому-то другому, сбежав от мрачных сырых стен, лжи и прищуренных взглядов в относительно благополучную, несравненно более комфортную и такую близкую мне Северную столицу. Отец Сергий знал мои мысли на сей счет, а потому не задал своего вопроса вслух.

– А как те ребята, которых я венчал, журналисты Анжелика и Дмитрий? – спросил я.

– Я давно их не видел, – покачив головой, ответил старик. Взгляд его заметно потускнел. – Может, года два, а то и больше. С тех пор как крестил их новорожденную дочурку. Если память мне не изменяет, ее называли Лизочкой. Загляни к ним сам – уверен, они будут рады.

– Обязательно зайду, – кивнул я.

– А чтобы не передвигаться на своих двоих... У тебя, кажется, были автомобильные права? – вспомнил отец Сергий и, дождавшись моего молчаливого кивка, предложил: – Тогда возьми мою «Таврию», с машиной-то в городе сподручней. Чай, не разучился еще управлять? Здесь она стоит, рядом, во двореке. Гараж у меня там... И не спорь. Я уже полгода как за руль не сажусь. Зрение подводит – днем еще ничего, а в сумерках совсем худо. Так что пользуйся, отец Павел... пока я жив.

– Бог с тобой, отец. Живи сто лет.

Настоятель лишь грустно улыбнулся в ответ и перевел разговор на другую тему, обойти которую мы просто не могли, – на жизнь в особой тюрьме...

Расставшись с отцом Сергием перед вечерней службой и воспользовавшись его автомобилем с ручным управлением, я съездил на кладбище к моей милой Вике. Просидел у могилы до самого вечера, а потом поехал в центр и, подставляя лицо морозящему дождю, еще долго гулял вдоль гранитной набережной Невы, погруженный в свои мысли.

Когда на окутанный тучами город опустилась белая ночь, я вернулся к Зимнему дворцу, возле которого оставил малолитражку настоятеля, сел за руль и поехал в Стрельну, где в скром-

ном частном домике недалеко от станции жил отец Сергей, согласившийся приютить меня на ближайшие несколько дней.

До Стрельны оставалось несколько километров, когда это случилось, – огромный черный джип вылетел на шоссе с проселка, словно черт из табакерки, с грохотом ударил «Таврию» в левый бок и сбросил ее с дорожного полотна в кювет.

Первое, что я услышал, очнувшись от секундной потери сознания и попытавшись пошевелить обсыпанными битым стеклом плечами, – это яростный мат и приближавшийся топот ног.

Спустя секунду мне в висок уперся холодный ствол пистолета.

Глава 2

Это был «бульдог» – серьезная игрушка. Я отметил это машинально, медленно, словно поднимающийся со дна водолаз-глубоководник, приходя в чувство после удара головой о переднюю стойку кузова и грудью – о руль. Кажется, это уже было три года назад: петляющий по лесной грунтовке «уазик», лента с шипами, растянутая по асфальту, удар – и пустота...

На сей раз переломов у меня, судя по всему, не было – перевернувшись вместе с машиной и вылетев в придорожную канаву, я отделался лишь ушибами...

– Все, падла, отъездился! – скрипя зубами, прорычал приставивший к моей голове ствол длинноволосый тип с перекошенным лицом, в расстегнутой почти до брючного ремня черной джинсовой рубашке и таких же джинсах. – Вылезай, сука, быстро!

– Слышь, Люцифер, может, он того... подох? Гляди, вся рожа в крови, – равнодушно прогнусавил второй выпрыгнувший из джипа молодчик, приземистый, краснолицый и толстогубый. От обоих молодчиков за версту разило перегаром.

– Нет, живой, гад! Только треснулся здорово, сейчас оклемается... – злобно прошипел длинноволосый и вдруг на мгновение замер, разглядев рясу. – Э-э, да это поп! Вот так добыча!

– Думаешь прихватить на шабаш? – с опаской оглядевшись по сторонам и вобрав голову в плечи, пробормотал губастый толстяк. Он покосился на джип, стоявший с открытыми настежь дверями. Одна фара была разбита, других повреждений я не заметил. Проносившиеся по трассе автомобили не останавливались – себе дорожке вмешиваться в чужие разборки.

Лохматый, убрав ствол «бульдога» от моего виска, многозначительно посмотрел на толстяка, на лице которого выступила испарина.

– Тут и думать нечего, – хриплым голосом сказал он, полоснув меня свирепым взглядом. – Упускать такой редкий трофей я не собираюсь... А для тебя, пузан, этот святоша – просто подарок Князя тьмы перед посвящением! Когда ты своими руками перережешь ему горло на алтаре, тогда поймешь... Ага, очухался, гонщик!

Я пошевелился, расправив плечи и осторожно смахнув с рясы осколки разлетевшегося во все стороны дверного стекла. Лобовое стекло было покрыто паутиной мелких трещин и, отвалившись от стоек, висело на порванном резиновом уплотнителе над исходившим паром искореженным капотом. Правая дверь от удара о бампер джипа вогнулась внутрь салона, вспорола, сорвав с крепежных болтов, водительское сиденье, сломала панель приборов и лишь чудом не проломила мне ребра. Легковушка отца Сергея стараниями этих пьяных лихачей превратилась в бесполезный кусок железа, не подлежащий восстановлению.

– С добрым утром, отче! Как вам там, не жестко?! Ха-ха-ха! – заржал патлатый, подавшись вперед и оскалившись до ушей. – А ты, я гляжу, у нас просто Шумахер!..

Мой блуждающий после сильного удара взгляд случайно упал на впалую грудь длинноволосого, видневшуюся под расстегнутой черной рубашкой, и застыл, не в силах оторваться от необычного украшения, покачивавшегося на серебряной цепочке. Это был перевернутый основанием кверху православный крест – главный символ поклонников сатаны! Теперь странное упоминание патлатого наглеца о предстоящем толстяку ритуале посвящения уже не казалось мне полным бредом и приобретало вполне отчетливый дьявольский смысл. Осознание реальной опасности удвоило мои силы, замутившееся зрение прояснилось, боль на время отступила... Итак, судьба подкинула мне новое испытание, столкнув с вооруженными чертопклонниками.

– Быстро выползай из машины! – снова наведя на меня ствол, скомандовал длинноволосый. – Приехали! Я тебя научу правила соблюдать, святой отец...

Аккуратно высвободив из педальной ниши ноги, практически не пострадавшие, если не считать ушиба колена, я отстегнул спасший мне жизнь ремень безопасности и под прицелом пистолета выбрался из помятого кузова через уцелевшую правую дверь.

Разглядев мое поцарапанное, окровавленное лицо и порванную в нескольких местах рясу, краснолицый толстяк глумливо ухмыльнулся, а лохматый наглец издевательски зацокал языком.

– Больно, батюшка? – проблеял он, приподняв брови. – Может, требуется медицинская помощь? У меня в джипе есть аптечка с йодом и ватой...

– Уберите оружие, – спокойно сказал я. Ситуация пока складывалась явно в пользу этих двух безумцев. – Что касается нарушения правил, то здесь лишь ваша вина. К тому же вы пьяны...

– Нижайше прошу прощения, батюшка Акакий, в самое ближайшее время мы компенсируем вам стоимость этого ржавого корыта да еще с процентами за моральный ущерб! – продолжал кривляться лохматый, не спуская с меня своих пустых гляделок. – Тысяч пятнадцать долларов вас устроит? Вот и ладушки! А сейчас давайте скоренько позвоним по телефону и вызовем «Скорую» и ГИБДД. Порос, дай святому преподобному старцу отцу Евлампии свой мобильник, пусть позвонит «ноль-два» и «ноль-три»!

– Может, лучше дать в рожу? Или вырвать у него бороду? – сняв с ремня брюк сотовый телефон и повертев его в руках, с серьезным лицом предложил толстяк, снова оглянувшись на шоссе, по которому в обе стороны с шумом проносились мимо места аварии десятки автомобилей в минуту.

– Не стоит искушать судьбу, когда вашими устами говорят бесы, – по-прежнему находясь от сатанистов на расстоянии трех шагов, по другую сторону разбитой машины, сухо сказал я. Еще задолго до прибытия на Каменный я научился держать себя в руках и не отвечать на злословие в свой адрес. – Что касается милиции, то она нам действительно потребуется. Для составления протокола ДТП и изъятия оружия...

– Знаешь, Порос, я передумал, – ухмыльнувшись, покачал головой длинноволосый и сделал шаг вперед. – Лучше позвони в труповозку и вызови черное такси для нашего отца Онуфрия. Ведь сейчас дьявол придет за его душой, незапятнанной, как тусы девственницы. Чуешь, батюшка? А может, сменим веру, а?

– Аминь, аллилуйя и Аллах акбар! – глумливо поддакнул губастый, обходя автомобиль. – Не ссы, мы не варвары, конец тебе обрезать не будем. Верно, Люцифер? Гы-гы-гы!..

Плотная стена из кустов за моей спиной была непреодолимым препятствием для бегства. Да я и не собирался спасаться бегством от таких недоносков с опилками вместо мозгов – слишком много чести. К тому же убивать меня тут, на месте, они явно не собирались. Это был просто спектакль, рассчитанный на слабость нервов потенциальной жертвы...

Однако против пистолета, пока его обладатель стоял достаточно далеко, я был бессилен. В том, что ствол заряжен, у меня не было ни малейших сомнений. Стоило мне дернуться, и патлатый, явно страдавший манией величия и оттого примеривший к своей ничтожной личности одно из имен лукавого – Люцифер, – тут же пристрелил бы меня на месте. Я, как и все люди, любил жизнь, данную мне богом, но уже очень давно, еще до поступления в духовную семинарию, перестал бояться смерти. Однако умирать здесь, сейчас, так непростительно глупо мне не хотелось...

– Если хочешь жить, падай на колени и целуй нам ноги! – заиграв желваками, хрипло приказал длинноволосый и покачал стволом «бульдога». – И, может, мы оставим тебя в покое. Тем более что с нашим мустангом, похоже, ничего страшного не случилось. Ну, на колени, я сказал! Или предпочитаешь гнить в дерьме с пулей в затылке?!

Люцифер кивком показал на проложенную под насыпью шоссе бетонную трубу, наполовину утопавшую в вязкой сточной жиже. В его глазах разгорался безумный блеск – сейчас они

напоминали алеющие на ветру угли. Сколько раз за последние годы я видел похожее свечение в глазах других душегубов! А тот, что держал меня на прицеле, в злодействе вряд ли был новичком. Я понял это сразу. Не зря говорят, что глаза человека – зеркало его души. В глазах патлатого безумца полыхало адское пламя.

– Я не боюсь смерти. А ты зря все это затеял, – сухо сказал я. – И когда-нибудь рука господа покарает тебя за все твои черные деяния. Сдается мне, их было немало. Так?

– О, если бы ты только знал, сколько именно, поп – толоконный лоб! – Люцифер разразился жутким каркающим смехом. Словесная перепалка, в которой благодаря оружию он чувствовал свое полное превосходство, его явно забавляла, и отказывать себе в удовольствии поглумиться над служителем церкви он не собирался. – Но это мой путь, я сам его выбрал! А вот тебя ждет полный абзац! Представь себе хоть на мгновение, что происходит со священником, угодившим в ад, к Князю тьмы!

Этот долговязый тип с провалившимися от наркотиков желтыми щеками, водянистыми, неопределенного цвета глазами, бледными тонкими губами и болтающимся на впалой груди перевернутым распятием был давно и глубоко безумен, но ни одна «дурка» в мире уже не смогла бы справиться с поразившим его тяжелым недугом. Еще пять-семь лет назад объятых бесами людей объявляли обычными психами, пеленали в смиренные рубашки, запирали в клетках-одиночках спецбольниц и каждые шесть часов насильно пичкали транквилизаторами, дабы окончательно лишить их и без того пошатнувшегося разума. Нет, таких, как Люцифер, могла исцелить только истинная вера или... или пуля в затылок.

– Ну что ж, – самодовольно хмыкнул лохматый, переглянувшись с толстяком, обливавшимся потом, несмотря на прохладу летнего вечера. – Что ж, так даже лучше... Я запрю тебя в сыром подвале с крысами и буду убивать долго и мучительно! Неделю, месяц, пять – пока ты сам не попросишь перерезать тебе глотку!

Он едва заметно мигнул своему толстогубому подельнику, и они бросились на меня одновременно с двух сторон – Порос с кулаками, а Люцифер с пистолетом. Их примитивные действия я в общих чертах просчитал заранее, однако от тронувшихся рассудком безумцев можно ожидать любого сюрприза. В этой спонтанной акции менее проворному толстяку выпадала роль отвлекающего, в то время как поджарый и подвижный Люцифер намеревался оглушить меня ударом тяжелой рукоятки пистолета по голове. Потом мое бесчувственное тело, видимо, оттащили бы в багажник джипа и увезли в обещанный подвал с хвостатыми грызунами. О дальнейшем я предпочитал не думать...

Ни один из чертопокклонников не ожидал отпора со стороны рассудительного священника средних лет, к тому же одетого в сковывающую движения длинную, до пят, рясу. И в этом состояла их главная ошибка. Среди крепких молодых мужчин, в последние десять-пятнадцать лет принявших духовный сан, было немало таких, кто мог не только постоять за себя, но и поучить этому мастерству других. Времена Пересвета и славяно-горицкой науки закалки духа посредством тренировки тела возрождались как среди священников, так и в монашеских обителях. Мои же противники не знали и не хотели знать ничего, кроме дьявольского учения самозваного «зверя трех шестерок» Алистера Кроули...

Мотнувшегося вперед чуть раньше Пороса я схватил за запястье, вывернул ему руку и, используя набранную им при броске энергию, швырнул его навстречу уже замахнувшемуся пистолетом лохматому, так что голова толстяка с разгона врезалась Люциферу в живот. Сдавленно охнув, патлатый перегнулся пополам и рухнул на землю, а массивная туша Пороса придавила его сверху.

– А-а-ы-ы!.. – захрипел Люцифер, тщетно пытаясь сбросить с себя тело приятеля. Однако пистолет, представлявший собой главную угрозу, был по-прежнему в руке Люцифера, смертоносное дуло смотрело мне в грудь, а указательный палец лежал на курке. Я ударил носком ботинка по сжимавшей «бульдог» руке одновременно с выстрелом. Пуля просвистела у самого

моего уха, а пистолет, несколько раз перевернувшись в воздухе, упал в двух шагах от разбитой машины.

– Убью, су-у-ка!!! – яростно рычал Люцифер. Ему уже удалось вдохнуть полной грудью и выбраться из-под скулившего от боли Пороса. Он прыгнул к пистолету, пытаясь дотянуться до рукоятки выброшенными вперед руками, но я ногой отбросил пистолет далеко в сторону, а локтем врезал длинноволосому в челюсть. Люцифер коротко взвыл, схватился руками за лицо, рухнул на землю и задергался в конвульсиях, приняв позу эмбриона. Толстяк, обескураженный отпором, прижался спиной к колесу «Таврии» и, поджав колени к груди, со страхом смотрел на меня, стараясь подавить вырывающиеся всхлипы. Его поврежденная рука, как и челюсть лохматого, нуждались, видимо, во внимании хирурга.

– Телефон, быстро! – потребовал я. – И сиди где сидишь!

Порос торопливо выхватил из-за пояса мобильник и протянул его мне. Увы, трубка была безнадежно испорчена от удара об остов автомобиля – на треснувшем индикаторе расплылось темное пятно жидких кристаллов. Я утер рукавом рясы сочившуюся из царапины на лбу кровь и нажал пару кнопок. Бесполезно – с таким же успехом я мог попытаться позвонить при помощи валявшейся в траве пустой пачки из-под сигарет. Размахнувшись, я швырнул мобильник в кусты и на мгновение задумался.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, батюшка? – вдруг послышался совсем рядом спокойный мужской голос.

Обернувшись, я увидел стоящего невдалеке мужчину лет сорока пяти в дорогом черном костюме с галстуком. На ногах его были блестящие модные туфли, на руке – золотые часы с массивным браслетом. Он курил сигарету в длинном черном мундштуке с золотым ободком и вопросительно смотрел на меня, слегка прищурившись. Вне всякого сомнения, этот человек был не робкого десятка.

– Спасибо, кажется, я разобрался сам... – пробормотал я, пытливо разглядывая незнакомца, судя по виду – явно не бедного и знающего себе цену. Было непонятно, как он оказался на обочине шоссе в столь поздний час, поскольку машины его я не видел.

– Значит, эти гнусные жлобы, сявки беспородные, сами зацепили вашу машину, а после еще оказались недовольны?! – с металлом в голосе спросил незнакомец, презрительно оглядев сатанистов, которые вмиг притихли и перестали скулить. Странно, но его взгляд подействовал на них гипнотически, как взгляд удава действует на брошенных в террариум белых мышей.

– Примерно так и было, – подтвердил я. – Спасибо, что подошли. У вас случайно нет с собой сотового телефона? Думаю, пора вызвать милицию.

– К сожалению, – развел руками мужчина. – Раньше был, но потом жена – она у меня медик – порассказала всяких ужасов про то, что мобильники вызывают рак головного мозга, и я сразу от них отказался. Теперь пользуюсь пейджером... Но тут рядом, за углом моей дачи, есть телефон-автомат. – Незнакомец указал рукой на возвышавшийся за кустами деревянный забор. – Звонок в милицию бесплатный. А я пока постерегу этих уродов, чтобы не сбежали...

– Справитесь? – Я подобрал с земли еще теплый «бульдог» и пристально посмотрел на моего добровольного помощника. – Шустрые ребята, даже слишком...

– Я тоже не пальцем деланный, – фыркнул импозантный незнакомец, исподлобья взглянув на сатанистов. – Прежде чем заняться бизнесом, я служил в весьма серьезной организации, одно упоминание о которой заставляло даже генералов писать в штаны с лампасами! Так что можете не волноваться, отец...

Он выжидательно умолк, и я невольно закончил:

– Павел. Меня зовут отец Павел.

– Не волнуйтесь, отец Павел, никуда они не денутся. Можете идти!.. Кстати, мы с вами раньше нигде не встречались?! Лицо ваше мне очень знакомо, – мельком взглянув на номер-

ной знак «Таврии», сказал незнакомец. – Вы, случаем, не в нашем храме Петра и Павла в Петродворце служите?

– Нет, я вообще не служу в Санкт-Петербурге... Будьте осторожней. Я вернусь через минуту.

– Не торопитесь, никуда эти скоты теперь не денутся!... – донеслось мне вдогонку.

Продравшись через кусты и двигаясь вдоль забора, огораживающего внушительных размеров территорию и строящийся кирпичный дворец, я вышел на узкую асфальтированную дорогу, которая вела к выстроенным у шоссе со стороны Финского залива шикарным особнякам.

Осматривая окрестности, я до смерти напугал припозднившуюся одинокую старушку, стремительно бросившуюся на противоположную сторону дороги при виде оборванного священника с выпачканным в крови лицом и пистолетом в руке. Однако заветного телефона-автомата я так и не увидел. Заподозрив неладное, я бегом вернулся к трассе, к покореженной «Таврии» отца Сергия.

Ни сатанистов, ни доброго незнакомца, вызвавшего их посторожить, ни, разумеется, черного джипа с разбитой фарой там уже не было. В память о стычке остались лишь пистолет «бульдог» с тремя патронами в обойме и груда искореженного железа, некогда бывшего самой что ни на есть иномаркой...

ГИБДД и обычную милицию я вызвал лишь спустя пятнадцать минут, остановив проезжающее мимо такси, в котором имелась радиосвязь с диспетчерской. Дав показания под протокол и сдав оперу пистолет как вещественное доказательство, в Стрельну, к домику настоятеля Троицкой церкви, я добрался лишь в четвертом часу утра – ребята-милиционеры согласились подбросить меня на своем «уазике». Молча выслушав мой подробный рассказ о происшествии на Петергофском шоссе и напоив меня чаем с блинами, отец Сергей, сдерживая волнение, сказал:

– Главное, что ты жив. Знаешь, не хотел тебе говорить, расстраивать, но, видно, придется. Три недели назад в наш храм среди бела дня ворвались двое таких же патлатых нелюдей в черном и, прокричав богохульные ругательства, бросили в образ Тихвинской Богоматери пакет с кровью... Хорошо, что икона за стеклом, ничего с ней не случилось, но это же открытый плевок, вызов! Ироды проклятые!

– Милицию вызывали? – с неприятным холодком в груди спросил я.

– А что они могут?! Только бумажки писать, – вздохнул протоиерей. – Бытовое хулиганство, говорят, ребятишки от скуки пошутили, а раз никто не пострадал, значит, нет повода возбуждать дело. Но какое же это хулиганство? Тут налицо умышленное осквернение храма и святых образов!... Однако за такие дела они предпочитают не браться. Нет судебной перспективы. У них, дескать, серьезных преступлений по горло. Так и сказали...

– Неужели так трудно вычислить, где обретаются эти черти, а потом разом накрыть осиное гнездо? – стиснув зубы, произнес я, глядя в чашку с чаем и вспоминая дикий хохот, безумный взгляд и впалые пергаментные щеки смеющегося мне в лицо подонка по кличке Люцифер.

Обычное хулиганство. Ребятишки.

– У нас в стране объявлена свобода вероисповедания, молись кому хочешь, – с болью в голосе сказал отец Сергей, медленно перекрестившись чуть подрагивающей от волнения рукой. – Хоть Христу, хоть антихристу... Сколько их, сектантов проклятых, изуверов, ловцов душ человеческих, в последние годы изо всех щелей повылазило... А никому и дела нет, что все это – проделки дьявола. Думаешь, после сегодняшней аварии и нападения на тебя кто-то всерьез будет их искать?

– Не знаю. Думаю, вряд ли, – покачал головой я. – Я даже марки джипа не запомнил, не до того было. Да и не слишком я разбираюсь в новых моделях. Хотя эксперт в милиции сказал,

что на рукоятке «бульдога», кроме моих, есть и другие отпечатки пальцев, плюс словесный портрет обоих этих уродов. Может, что и выплывет...

Успокаивая моего духовного отца, я сам не очень верил в скорые результаты расследования. Единственный свидетель инцидента – холеный незнакомец в костюме исчез вместе с сатанистами. Уже после того как на место аварии приехала милиция, я вдруг подумал, что в момент столкновения незнакомец вполне мог находиться на заднем сиденье джипа и, не желая светиться, приказал Люциферу и Поросу самим решить проблему. И, лишь когда ситуация неожиданно вышла из-под контроля, а я завладел оружием, он незаметно покинул джип и, прикинувшись хозяином строящегося рядом коттеджа, разыграл весь этот спектакль с телефоном-автоматом «за углом»...

Глава 3

Уснуть в этот день мне так и не удалось – промучившись в постели до семи утра, я встал, принял душ, еще раз смазал ссадину на лице бальзамом из трав, который оставил мне уехавший в храм отец Сергей, надел чистую одежду взамен измаранной при аварии, заварил себе чаю, а потом, поколебавшись, снял трубку старенького, как и все в доме настоятеля, телефона «VEF». Я набрал навсегда записанный в памяти прямой номер моего бывшего командира, а ныне – генерал-лейтенанта ФСБ Алексея Трофимовича Корнача. За прошедшие три года я пользовался этим каналом связи лишь однажды...

Если на происшедшую со мной по вине чертопоклонников аварию, разбитую машину и оставшуюся просто сотрясением воздуха угрозой убийства я еще мог закрыть глаза, то спускать на тормозах демонстративное осквернение святыни было выше моих сил! Помня, как по моей просьбе начальник «аналитического отдела» ФСБ спас невинного парня, осужденного за убийство семи женщин, в том числе и моей Вики, на пожизненное заключение, я верил, что секретное ведомство сможет сделать то, на что не способна обычная милиция, – найти и покарать подонков.

Я набрал номер. После пятого гудка чужой бесцветный голос произнес:

– Слушаю.

– Я бы хотел поговорить с Алексеем Трофимовичем, – столь же лаконично сказал я.

– Кто его спрашивает?

– Старый знакомый. Мое имя вам ничего не скажет.

– По какому вопросу? – продолжал допытываться блеклый, словно измененный компьютером голос, и это мне совсем не понравилось.

– По личному. Он в курсе...

– По этому номеру его уже давно нет, – чуть помолчав, жестко сообщил голос. – Назовите свое имя.

– А как мне связаться с генералом? – Из неизвестного службиста каждое слово приходилось вытаскивать словно клещами.

– Нет информации, – прозвучал содержательный ответ.

– Это срочно. – Ощувив неотвратимо надвигающуюся перспективу услышать в трубке короткие гудки, я решил немного приоткрыть карты. – Передайте, что звонил Аверин. Я в городе. Алексей Трофимович поймет...

На сей раз ответа вообще не последовало. В мембране щелкнуло, и раздались гудки. Я положил трубку. Вот так сюрприз! Остается надеяться, что мой разговорчивый собеседник с бесцветным голосом электронной машины передаст Корначу мою просьбу выйти на связь.

Позавтракав на скорую руку, я решил сделать то, что собирался сделать накануне днем, – навестить Анжелику Гай и Дмитрия Нагайцева, журналистов еженедельника «Невский репортер», с которыми столкнула меня судьба вскоре после прибытия на Каменный остров и которых я венчал в Троицком храме. Они попросили меня специально приехать для этого в Петербург. С тех пор я три года не был в родном городе.

В отличие от номера Корнача, номер телефона редакции и номер однокомнатной квартиры на проспекте Маршала Жукова наизусть я не помнил, а моя записная книжка осталась на далеком острове, так что пришлось ехать без приглашения. Глянув на часы, я понадеялся, что в рабочее время кто-нибудь из супругов будет в редакции.

По дороге в «Невский репортер» я зашел в один из детских магазинов на Ленинском и купил в подарок двухлетней Лизочке Нагайцевой не слишком большого, по ее возрасту, но очень симпатичного пушистого розового слоненка с гофрированным бантиком на хвосте.

Лучше бы я этого не делал...

Секретарь еженедельника Марина, приятная дама бальзаковского возраста в брючном костюме горчичного цвета и швейцарских очках, узнала меня буквально с порога и от удивления даже всплеснула руками.

– Ой, здравствуйте, отец Павел! Что ж вы не позвонили, не предупредили о своем приезде?! Вы давно в Питере? – Вскочив из-за стола, Марина, цокая каблуками по паркету, подошла ко мне. Ее взгляд, переметнувшийся на торчащую из пакета милую игрушку, на секунду застыл, рот слегка приоткрылся, губы дрогнули. Аккуратно тронутое дорогим макияжем загорелое лицо выражало растерянность.

– Вчера приехал, – наблюдая за женщиной, машинально отозвался я. – Что с вами?

– Это для Лизы?! – осторожно спросила Марина. В ее голосе сквозила боль.

– Да. А в чем дело?.. – задохнувшись от дурного предчувствия, пробормотал я.

– Вы... вы разве ничего не знаете?! – взяв себя в руки, осторожно спросила Марина, тщательно подбирая слова. – Девочка пропала! Три дня назад! Бабушка, мама Анжелики, гуляла с внучкой во дворе, на минутку зашла в квартиру за кофточкой для ребенка, а когда снова вышла, Лизочки в песочнице уже не было, только игрушки... Ужасное несчастье!

Марина вздохнула и покачала головой. Курившие в сторонке у окна двое журналистов подавленно замолчали, бросая на меня унылые взгляды.

– Простите, – это было единственное, что я смог сказать, стараясь держать себя в руках. – Простите меня... Я не знал... До свидания.

Пакет с ни в чем не повинным розовым слоненком теперь жег мою ладонь сильнее раскаленного металла.

Развернувшись, я на ватных ногах направился к выходу и уже взялся за дверную ручку, когда кто-то тронул меня за локоть. Обернувшись, я увидел одного из двух куривших у окна парней. Имени его я не знал, но видел его во время моего прошлого визита в редакцию. Он, как и весь коллектив еженедельника, был на венчании. В опущенной руке журналиста все еще дымилась сигарета.

– Отец Павел, они сейчас дома, – сказал он почти шепотом, глядя мне в глаза. – Уверен, им сейчас как никогда необходима ваша поддержка. Вы знаете адрес?

– Проспект Маршала Жукова, пятьдесят шесть, – кивнул я. – Я как раз собирался туда ехать...

– Нет, это старый адрес, – покачал головой парень. – Дима недавно получил приличный гонорар за изданную в Швеции книгу о боссах русской мафии и купил новую четырехкомнатную квартиру в Озерках. Маришка, – парень обернулся к стоявшей у стола женщине, – я отвезу отца Павла к ребятам, хорошо? А ты, если шеф спросит, замолви за меня словечко...

– Конечно, конечно, Толик. О чем ты говоришь! – поспешно кивнула дама и, не зная, куда девать руки, кончиком указательного пальца поправила очки. – Можете ехать! Аркадий Григорьевич не зверь какой, поймет...

– Пойдемте, отец Павел, – сунув в рот сигарету и распахнув тяжелую бронированную дверь редакции, сказал журналист. – К сожалению, я не смогу зайти к ребятам вместе с вами, сами понимаете, – словно извиняясь, предупредил он, когда мы уже входили в кабину распахнувшего двери лифта. – Что бы ни случилось, мы, журналюги, как врачи и менты, должны работать, несмотря ни на что...

– Конечно, Анатолий, я понимаю. Спасибо тебе. У вас замечательный дружный коллектив, – пребывая в шоке от известия об исчезновении ребенка, я проговорил первое, что пришло на ум.

– Ну... – замялся парень, даже в лифте не пожелавший расстаться с сигаретой, – если совсем честно, то коллектив у нас тот еще. Имени Павлика Морозова. Подковерная борьба за должности, за собственные рубрики, интриги, стукачество и прочее... Как в любой газете. Думаете, главный мне не воткнет за то, что я свалил без разрешения? – Толик ухмыльнулся и

покачал головой. – Как бы не так! Просто сейчас все делают вид, что сочувствуют и наповал убиты горем, а на самом деле большинству глубоко положить и на Нагайцева, и на Анжелику! Везунчиков мало кто любит, больше притворяются...

«Вот он, наш двуликий, лицемерный мир, – подумал я, слушая откровения парня. – И он всегда был таким – и сто, и пятьсот лет назад. Улыбки в лицо и нож в спину...»

«Девятка» Анатолия остановилась возле новой кирпичной шестнадцатиэтажки.

– Седьмой этаж, квартира двадцать пять, – прощаясь со мной за руку, сказал журналист и посмотрел на наручные часы. – Скажите Димке, что я позже позвоню, ближе к вечеру. Пусть держится. Хотя это гораздо легче сказать, чем сделать...

– У тебя есть дети, Анатолий?

– Да, сын. Но ему только два месяца, – натянуто улыбнулся парень. Он бросил взгляд на слоненка, понимая, почему я задал этот вопрос.

– Передай это ему от меня, – я протянул Толику пакет с купленной для пропавшей Лизы игрушкой. – Подрастет – будет играть.

– Я все понимаю, отец Павел. – Вздохнув, журналист принял подарок и положил его на сиденье. – Спасибо.

– Тебе спасибо. Храни тебя господь.

В еще чистом и лишенном наскальной живописи подъезде пахло обойным клеем и краской – дом был совсем новый, малолетними вандалами пока не освоенный. Поднявшись на нужный этаж, я позвонил в квартиру. Некоторое время за дверью стояла напряженная тишина, потом быстро щелкнул замок, дверь распахнулась, и я увидел на пороге Анжелику Гай. Наши глаза встретились. На ее опухшем от слез, болезненно бледном, но по-прежнему красивом лице сначала промелькнуло недоумение, но в следующий миг девушка со стоном бросилась мне на шею и громко, отчаянно разрыдалась. Я осторожно погладил ее по длинным и золотистым, как у моей покойной Вики, волосам и как мог попытался успокоить:

– Тише, девочка, тише. Все будет хорошо, вот увидишь. Она обязательно найдется...

Боже, как мне самому хотелось верить в то, что я говорил!

В прихожую вышел коренастый парень в бронежилете поверх камуфляжной куртки и черной каске-сфере, с автоматом «АКСУ» в руках. Спецназовец, судя по всему дежуривший в квартире на случай неожиданного визита гонца от похитителей, увидев меня, заметно расслабился.

– Ну успокойся. – Дав девушке время справиться со слезами, я чуть отстранил ее и посмотрел ей в глаза. – Все будет хорошо, ты мне веришь?

– Да, – вытирая покрасневшие от слез, чудовищного нервного напряжения и бессонницы глаза, кивнула Анжелика, увлекая меня в квартиру. – Вам, отец Павел, я верю. Просто я так боюсь за нее! Ведь уже третий день пошел, а о Лизочке ничего не слышно! Мама в больнице с сердечным приступом – никак не может себе простить, что оставила ее одну во дворе.

– Здравствуйте, батюшка, – сухо кивнул спецназовец. – Проходите, я пока закрою дверь.

Из прихожей мы с Анжеликой вошли в гостиную. Несмотря на приоткрытое окно, в комнате серыми слоями висел плотный, хоть топор вешай, табачный дым. Дима Нагайцев с землистым, постаревшим сразу на десять лет неподвижным лицом сидел на стуле возле усыпанного пеплом журнального столика, на котором, кроме радиотелефона с определителем номера и записывающим устройством, стояли пепельница, доверху заполненная окурками, пустая на три четверти литровая бутылка водки и пузатый коньячный фужер. Тут же валялись открытая пачка «Мальборо» и золотая бензиновая зажигалка. У стены, рядом с тумбой телевизора, выстроилась целая батарея пустой водочной тары.

– Димочка, отец Павел приехал... – Всхлипнув, Анжелика снова упала мне на грудь и тихо заплакала. Нагайцев медленно, словно заржавевший робот, повернул голову и несколько секунд тупо смотрел на меня совершенно пьяными, невидящими глазами. Мне показалось, что

в его состоянии невозможно адекватно воспринимать действительность, но я ошибся. Отвернувшись и устремив гипнотизирующий, молящий о чуде взгляд на жестоко молчавший телефон, Дмитрий на удивление четким голосом произнес:

– Хотел сказать вам, отец Павел, «добрый день», но, увы, это неправда... Сегодня страшный день. И вчера был страшный день. И позавчера тоже был страшный день. Боюсь, теперь для нас с женой все дни будут такими. Вопреки всем вашим церковным трактатам порой ад настигает людей уже при жизни... Единственное, что я хочу понять, – чем мы заслужили такое проклятие? Чем?!

– Вы не заслужили его, поверь. А отчаяние – один из тяжелейших смертных грехов, – сказал я, с тоской понимая, как дико и банально древняя библейская истина звучит в этих стенах, насквозь пропитанных страхом и отчаянием. – Пока человека не нашли, он жив. И ваша девочка тоже жива.

– Я не миллионер, не крестный отец мафии и не политик. – По-прежнему неотрывно глядя на телефон, Нагайцев взял со стола бутылку, наполнил фужер до краев и залпом выпил. – Но, даже если на миг представить себе, что Лизу похитили с целью выкупа, почему они не предъявляют никаких требований уже семьдесят часов?! Так не бывает... Если до вечера никто не заявится, то охрану снимают... Верно, лейтенант?

Спецназовец угрюмо кивнул и вернулся назад в прихожую, где сел в кожаное кресло возле двери, положив автомат на колени. Судя по выражению его лица, он искренне сочувствовал постигшему эту семью горю, но приказ есть приказ.

– А если похитители не позвонят до послезавтра, то снимут с телефона вот эту записывающую херню, – продолжал журналист, прикуривая сигарету. – В переводе на русский это означает – конец! Вы понимаете, отец Павел, – конец!..

Нагайцев опять повернулся в мою сторону, и я увидел, что по его щекам текут и теряются в кудлатой бороде слезы. Губы его дрожали, руки сжались в кулаки до белизны в костяшках, сломав зажатую между пальцев сигарету.

Анжелика молча подошла к мужу, подняла с уже прожженного в нескольких местах ворсистого паласа тлеющий обломок сигареты и положила его в пепельницу.

– И все же для отчаяния еще слишком рано, – сказал я и добавил: – Извините, я оставлю вас на какое-то время. Мне надо поговорить с лейтенантом.

Анжелика кивнула, а Дмитрий даже не шелохнулся, снова неподвижно застыл в клубах табачного дыма. Я вышел в прихожую и плотно прикрыл за собой стеклянную дверь.

– Года полтора назад я читал статью про вас в «Невском репортере», отец Павел, – сообщив, что я хочу задать ему пару вопросов наедине, спецназовец заговорил первым. – Вы тот самый настоятель с Каменного, бывший десантник? Или я ошибся?

– Не ошиблись. Я действительно служу в церкви при тюрьме для пожизненно осужденных, – сухо подтвердил я. – Но сейчас речь не обо мне... Скажите, лейтенант, вы в курсе обстоятельств похищения девочки?

– Более или менее, – пожал плечами парень.

– В таком случае мне хотелось бы узнать об ее исчезновении в деталях, – понизив голос так, чтобы меня не услышали несчастные родители пропавшей Лизы, сказал я. – Надеюсь, в разговоре со священником вы не станете ссылаться на тайну следствия и у вас есть что добавить к рассказу Анжелики. Вы ведь слышали его...

– Да, кое-что есть, – подумав, кивнул лейтенант. – Не все так безнадежно. Есть одна зацепка – показания свидетеля, продавца в коммерческом киоске на углу. Приблизительно в то же самое время, когда пропал ребенок, продавец заметил, как со двора через сквозной подъезд одного из домов вышел высокий длинноволосый тип в потертых джинсах. Он нес спящего ребенка, по описанию схожего с исчезнувшей девочкой... У тротуара ждал темный джип. Патлатый с девочкой на руках сел на заднее сиденье, и машина уехала. Продавец, дедок-пенсио-

нер, марку иностранной тачки назвать не смог, ну и номер, разумеется, тоже не запомнил. Зато он заметил, что на двери багажника, на том месте, где у большинства джипов обычно крепится запаска, у этой машины запаски не было – только пустая крепежная рама. И еще киоскеру показалось, что во время ходьбы длинноволосый слегка прихрамывал.

Невидимая железная рука крепко сдавила мою шею корявыми пальцами, перекрыв доступ кислорода. В висках глухо застучал пульс, по спине пробежала волна холода. Не далее как вчера вечером я не только в самом прямом смысле столкнулся с черным джипом, у которого на двери багажника отсутствовала запаска, но также имел сомнительное удовольствие поближе познакомиться с его пассажирами, одним из которых был как раз высокий и худой лохматый сатанист с перевернутым распятием на груди, в черном джинсовом костюме и к тому же – я тоже мельком обратил на это внимание – слегка прихрамывавший. Впрочем, хромота не сделала этого подонка менее опасным. Если бы не спецназовская выучка, гнил бы я сейчас в тех придорожных кустах.

Не без усилия сделав глубокий вдох, я посмотрел в настороженные, испытующие глаза оборвавшего рассказ спецназовца.

– Родители знают о джипе?

– Им пока об этом не рассказывали, чтобы лишний раз их не волновать, – покачал головой лейтенант. – Идет активная работа, сети раскинуты, объявлена операция «Перехват». Усиленные наряды гаишников на выезде из города и на улицах останавливают все джипы темного цвета, а опера ставят на уши информаторов из числа рокеров, музыкантов и прочей волосатой алкогольно-наркотической шушеры. Как бывший офицер, вы должны знать, отец Павел, что в таких делах никого из сыскарей подталкивать не приходится, мужики пашут на совесть...

– Мне кажется, лейтенант, что вы назвали не все группы потенциальных подозреваемых, имеющих схожую внешность, манеру одеваться и склонность к криминалу. – От внезапной страшной догадки мой голос дрогнул. – Вы забыли про нелюдей, которые раскапывают могилы, оскверняют кладбища, храмы и проводят свои дьявольские ритуалы, так называемые черные мессы – с оргиями и человеческими жертвоприношениями!

– Сатанисты?!

– Да! И простите меня за самонадеянность, но я на сто процентов уверен, что, в отличие от хулиганов-байкеров с их рогатым двухколесным божеством, среди этой хитрой и необычайно осторожной нежити ни у спецслужб, ни тем более у милиции нет «своих» стукачей...

Вспомнив, что за дверью, в гостиной, убитые горем Анжелика и Дмитрий, я заставил себя замолчать. Но и уже сказанного оказалось вполне достаточно – спецназовец стиснул зубы, взгляд его стал напряженным. Лейтенант понял, что я прав. Значит, кое-что господа сыщики, расследующие похищение двухлетней крошки Лизочки Нагайцевой, явно упустили из виду. Или, что казалось мне более вероятным, до поры до времени предпочли не озвучивать столь жуткую версию. Ибо одно дело банальный киднепинг и совсем другое – похищение с целью принесения в жертву. При одном упоминании о ритуальных убийствах у любого нормального опера начиналась сильная головная боль: все, что угодно, только не это!

– Возможно, я ошибаюсь и это просто случайное совпадение... Но в таком случае оно достойно занесения в энциклопедию криминалистики как самое невероятное стечение обстоятельств, – продолжал я сдержанно. – Однако в реальной жизни такая случайность почти исключена... Поэтому я уверен, лейтенант, что смогу помочь вашим коллегам-сыщикам дополнительной информацией. И о похитителе девчушки, и о джипе. Между прочим, не далее как вчера вечером он получил приметную вмятину на капоте, лишился правой передней фары, а значит, нуждается в срочном косметическом ремонте...

Я прислушался: из гостиной доносился тихий, надломленный голос Анжелики, успокаивавшей пьяного мужа. Моя версия о возможной причастности чертопокклонников к похищению девочки, к счастью, не была услышана ее родителями.

– Не уверен, что уловил ход ваших мыслей, батюшка...

– Дело в том, что вчера вечером на Петергофском шоссе я попал в аварию, – сообщил я пораженному неожиданным заявлением спецназовцу. – А за рулем сбросившего меня в кювет джипа сидел лохматый хромою верзила с «бульдогом» за брючным ремнем и перевернутым распятием на шее. И с ним еще двое типов, тоже весьма примечательных...

Я коротко поведал хмурому лейтенанту о событиях на трассе, едва не стоивших мне жизни. Окажись на моем месте другой, не искушенный в навыках самозащиты священник, – не миновать ему обещанного сатанистами «алтаря».

Спецназовец слушал, стиснув мощными ручищами автомат, и время от времени чуть слышно отпускал короткие реплики вроде «вот же суки!...». Действительно, еще каких-то два-три года назад представить себе нечто подобное даже много повидавшему, побывавшему в «горячих точках» и наглядывшемуся на изнанку жизни спецу было бы очень трудно. Но та жуткая реальность, к которой привела Россию на исходе двадцатого века объявленная сверху «свобода вероисповедания», заставила поверить в существование подобных нелюдей...

– ...А вы говорите: операция «Перехват»! Ни один из сотрудников ГИБДД и оперов, с которыми я общался вчера до поздней ночи, даже бровью не повел, узнав о черном джипе и сатанистах, – закончил я свой рассказ, испытующе глядя на опустившего глаза крепкого парня в камуфляже.

– Вот, блин, знал, что кругом бардак, но не до такой же степени! – сквозь зубы процедил спецназовец, покачав головой. – Вот и не верь после этого... Отец Павел! Может, я что не так скажу, но сам Господь столкнул вас с этими тварями, а затем привел сюда!

Парень торопливо перекрестился. А я вдруг подумал, что даже на закоренелых атеистов, будь они сейчас здесь, такой неожиданный для них союз силы в лице спецназовца и православной веры в лице священнослужителя произвел бы впечатление. Вот и ёрничайте по поводу «опиума для народа»!

Я видел, что в крестном знамении спецназовца не было ни малейшей игры.

– Теперь мужики этих сволочей точно достанут, как пить дать! – скрипнул зубами лейтенант, полоснув меня холодным, решительным взглядом. – Насчет отсутствия сексотов в среде сатанюг вы, отец Павел, наверняка правы. Легче внедрить своего человека в личную охрану наркобосса, чем в стаю чертопокклонников. Но, хоть убейте, ни за что не поверю, чтобы и не имелось на их проклятых гуру досье и чтобы ФСБ не владела более конкретной информацией!.. Я немедленно связываюсь с командиром!

Парень достал из нагрудного кармана портативную рацию и уже собирался ткнуть пальцем в кнопку, но я остановил его, многозначительно кивнув в сторону комнаты.

– Не торопитесь, лейтенант. Сначала я считал, что ваше начальство зря не сообщило родителям девочки о показаниях киоскера, – возможно, это помогло бы вычислить похитителей. Но теперь думаю, действительно лучше, чтобы ребята ни о чем не догадывались. Ведь они оба – профессиональные журналисты, в курсе всех событий в мегаполисе. А уж о реальности существования в Питере сатанистов с их жуткими, кровавыми ритуалами знают не меньше нас с вами... Услышать, что ребенка похитили эти нехристи, было бы для них самым страшным ударом. Ибо в таком случае вряд ли преступление затеяно с целью получения выкупа. Ребята потеряют всякую надежду... Поэтому будет лучше, если для разговора с командиром вы пройдете на кухню, а потом позволите мне сказать ему пару слов лично.

– Вы правы, отец Павел, – кивнул спецназовец, пружинисто поднимаясь с кресла. – Пойдемте. Дорога каждая минута!

Лейтенант связался по рации с командиром СОБРа. Комкая слова от волнения, он торопливо сообщил о моих вчерашних злоключениях, после чего мы с майором договорились, что через двадцать минут за мной прибудет машина с двумя сыщиками, которым поручено вести дело о похищении. Мне предстояло еще раз, во всех мельчайших подробностях повторить им

то, что я уже рассказывал и сотрудникам ГИБДД, и лейтенанту, но это была такая мелочь! Ради спасения незащищенной девчушки, попавшей в лапы к слугам сатаны, я, как человек, как мужчина и, разумеется, как православный священник, был готов на все...

Как и лейтенант, я верил, что именно промысел Божий столкнул меня накануне с Люцифером, Пороком и их хитрым спутником, так ловко разыгравшим передо мной спектакль, и столкнул с единственной целью – в очередной раз подвергнуть меня испытанию и дать шанс делом искупить всю ту кровь, которой я немало пролил в прошлой своей жизни.

Да, ни один человек в мире не в состоянии забыть свое прошлое. Оно не отпускает, напоминая о себе постоянно.

Я был далек от мысли, что Лизу, буквально на пару минут оставленную бабушкой на детской площадке без присмотра, похитили случайно, как первого попавшего в поле зрения ребенка, «подходящего» вышедшим на охоту сатанистам по только им известному критерию. Поджидавший невдалеке, у проходного подъезда, джип с водителем, использование препарата, которым мгновенно усыпили ребенка, – все это говорило о тщательной подготовке к похищению именно Лизочки Нагайцевой, дочери двух известных журналистов из «Невского репортера». Вне всякого сомнения, Люцифер и водитель следили за ребенком, выбирая благоприятный момент. И это неспроста. Ключ к причинам, побудившим сатанистов выбрать своей жертвой именно дочурку Анжелики и Дмитрия, следует искать в событиях, предшествовавших трагедии...

Глава 4

Сыщики подъехали к подъезду нового дома в Озерках даже раньше, чем обещал командир СОБРа. Первым результатом моего рассказа о вчерашнем инциденте стал приказ о досрочном снятии охраны – лейтенант Костин, вооруженный и экипированный для взятия рэкетира, отбыл на базу СОБРа прямо в «Жигулях» оперативников. Это означало лишь одно: милиционеры в штатском так же, как и я, теперь не сомневались, что девочку похитили именно те самые типы, с которыми я столкнулся на Петергофском шоссе, и вряд ли их гонец наберется наглости пожаловать в гости к родителям Лизы. Направление поиска затерявшихся в огромном городе следов девочки и похитителей стало более конкретным. Во-первых, следовало прошерстить все известные автомастерские города на предмет поиска пострадавшего в аварии джипа, предположительно марки «Ниссан-Террано». Во-вторых, необходимо было, используя оперативные наработки, повнимательней присмотреться к лицам, замеченным в тяге к дьявольским ритуалам, в том числе ранее судимым за осквернение и разграбление могил. Особое внимание двоим, клички – Люцифер и Порос. Составленные при моем участии еще прошлой ночью фотороботы главных подозреваемых вскоре должны были получить все участковые, сотрудники ДПС и осведомители. Расследование, как принято говорить в среде милицейских начальников, выходило на качественно новый уровень. Напоследок один из оперов вскользь сообщил мне, что пару месяцев назад в МВД был создан особый отдел, специально занимающийся деятельностью «деструктивных религиозных объединений и сект», и его сотрудники вместе с товарищами из ФСБ будут подключены к делу немедленно...

Когда я снова вошел в квартиру журналистов, то застал бородача Нагайцева спящим – алкоголь и сильнейший стресс погрузили его в тяжелое, беспокойное забытие. Укрыв мужа теплым шерстяным пледом, Анжелика распахнула окна в гостиную, прибрала на заваленном окурками и залитом водкой столике, а затем вместе со мной присела на кухне. Я заварил крепкий кофе, но она даже не притронулась к своей чашке.

– Отец Павел, я вас умоляю... я вижу по глазам... вам что-то известно? – допытывалась Анжелика, размазывая по лицу слезы. – Почему сразу после вашего прихода сняли охрану с квартиры? Что они вам сказали? Ведь вы спускались вниз и с кем-то разговаривали в машине почти целый час! Что с Лизочкой? Прошу вас, ради всего святого, не молчите! Теперь я все смогу, я все вынесу!.. Они... ее уже нет? Ее... нашли, да?!

Задохнувшись на последнем слове, Анжелика судорожно схватила меня за руку и с мольбой заглянула в глаза. Обманывать ее я не имел права, но и говорить всю правду, страшную правду, тоже не хотел.

– Нет, девочка, ее еще не нашли. Но сейчас на поиски брошены все силы милиции и ФСБ. А в машине я разговаривал с сотрудниками спецслужб... Как ты помнишь, до семинарии я тоже всякого повидал... Вот и предложил сыскарям несколько возможных вариантов поиска... Очень надеюсь, что это поможет выйти на след Лизочки. Ты лучше мне вот что скажи... Не было ли у вас с Димой в последние месяцы скандальных публикаций? Таких, где вы представили кого-то в истинном его обличье, разоблачили. Мог кто-нибудь затаить на вас зло и попытаться отомстить? Только не отвечай сразу, подумай хорошенько. Может, это было полгода назад или больше...

– Мне не нужно думать. Меня уже спрашивали об этом еще позавчера... У нас с Димой практически все материалы – скандальные. – Анжелика опустила взгляд в чашку с дымящимся черным кофе. – Наш еженедельник вообще в последнее время сильно «пожелтел»... Вы понимаете, что я имею в виду?

– Бульварное чтиво, низкопробные сенсации, огромные тиражи и прибыли, – хмуро кивнул я. – Все остальное – продажная политика, компромат.

– Сейчас большинство газет и журналов так работают. С тех пор как у «Невского репортера» сменился хозяин и главный редактор стал плясать под его дудку, мы пополнили число «карманных» изданий, – продолжала Анжелика. – В отличие от многих конкурентов, медленно загибающихся без читателя, наши тиражи теперь держатся на уровне и зарплата – мало где такую платят... Знаете, наш среднестатистический читатель-обыватель обожает материалы с броскими заголовками. Крупно печатаем: «Алла Борисовна не дала Филиппу...» – и крохотными буквами внизу продолжаем: «...разрешения написать книгу об истории их любви».

– Какова общественная мораль – таковы и духовные потребности обывателя, – подытожил я. – И все-таки вспомни, не проскакивало ли чего-нибудь по-настоящему убойного, что могло если не одним махом подкосить фигуранта, то как минимум сильно и больно ударить по его самолюбию, репутации и карману?

– Не знаю, может быть, лишь отчасти, – пожала плечами Анжелика. – Но чтобы настолько... Нет, вряд ли, – покачала она головой и наконец отхлебнула кофе из чашки. – Вообще-то мы, как и большинство коллег, стараемся не перегибать палку и не доводить дело до исков о защите чести и достоинства. Были, правда, пару раз прецеденты с разборками всех уровней – от бандитских до судебных, но слишком дорого они обходятся хозяевам... Что касается статей, то мы с Димой по журналистской традиции храним подшивки всех журналов, где прошли наши публикации. Но их уже просматривали прошлой ночью два следователя... И ничего не нашли.

– Материалы в редакции?

– Нет, здесь, дома, – тихо ответила журналистка. – По четыре толстых «кирпича» скоросшивателя у каждого. Хотите, я принесу? Только... какая от этого польза? Какое отношение имеет похищение Лизочки к той коммерческой бульварщине, которой мы с Хемингуэем зарабатываем себе на жизнь?

– С кем? – автоматически переспросил я, хотя сам уже понял, кого имеет в виду Анжелика.

– Это я Димку так называю – Хемингуэй, из-за его бороды и фантазий. – Губы измученной девушки дрогнули в подобии снисходительной улыбки. – Половину всех сенсаций и жареных фактов из жизни сильных мира сего он выдумал сам, без какой-либо информации... За это главный его и ценит – почти никаких текущих затрат на сбор информации, сплошные сказки. А читатель от них просто балдеет.

Эта красивая и безусловно умная молодая женщина с манерами и внешностью голливудской кинозвезды, вышедшая замуж, вопреки ожиданиям многих своих коллег, не за банкира или политика, не за «большие деньги», а за скромного журналиста, явно относилась к своему мужу чуть свысока, как к большому ребенку. Я заметил это еще три года назад, во время венчания. Что ж, красота, успех и множество поклонников неизбежно накладывают отпечаток на характер женщины...

– Ты не возражаешь, если я возьму до завтра подшивку ваших материалов за последний год? Пролистаю для самоутраченного. Вдруг что-то любопытное и отыщется?

– Честно говоря, сильно в этом сомневаюсь, – грустно улыбнулась Анжелика. – Это бульварное чтиво не для вас, отец Павел. Слишком много откровенной пошлости. Я почти уверена, что вы не осилите и половины наших с Димой нетленных сочинений...

Покрасневшие глаза девушки снова наполнились слезами. Скорее всего Анжелику расстроили неумелые попытки священника-островитянина помочь ее семье чем-нибудь практическим, а не только успокаивающими словами и молитвами. Так же умиляют взрослых маленькие дети, когда пытаются утешить плачущую маму: они обнимают ее и обещают всегда-всегда убирать за собой игрушки и не есть без разрешения припасенное на зиму малиновое варенье.

По правде говоря, я и сам толком не знал, что именно надеюсь обнаружить на страницах скандально популярного еженедельника с его броскими заголовками и фотографиями оте-

чественных знаменитостей, пойманных пронырливыми папарацци в пикантные моменты их жизни. У меня не было уверенности, что я непременно найду разгадку преступления, перелопатив кипу журналов. Скорее какое-то смутное предчувствие. А может, мне просто хотелось самому убедиться, что публикации ребят не имеют отношения к похищению их ребенка сатанистами...

Но тогда что или кто имеет?

Ответив на этот вопрос, я смог бы вплотную подойти к Люциферу и его поделщикам. Но пока истинные причины, побудившие чертопокклонников выслеживать именно Лизочку Нагайцеву, терялись в непроглядной темноте. И эта неизвестность не давала мне покоя.

Рассказав сотрудникам следственных органов все, что знал, я мог со спокойной совестью вести собственное расследование и начать его решил с внимательного просмотра всех публикаций Анжелики и Дмитрия за последние месяцы. Попрошавшись с Анжеликой, которой необходим был хотя бы короткий отдых, и прихватив спортивную сумку с двумя папками-скоросшивателями, я отправился на автобусе к Троицкой церкви. Я намеревался провести бессонную ночь в тишине и покое личной комнатки протоиерея. Мне предстояло сидеть за письменным столом в окружении святых образов и вчитываться в скабрзные тексты, до ряби в глазах разглядывать фотографии валяющихся под столом в дорогах казино перепившихся отечественных поп-звезд и сильно подретушированные кадры из шпионских микрофильмов, запечатлевших известных политиков принимающими сеансы массажа в компании проституток...

Да, много бы заплатил еженедельник, чтобы заснять этот момент и поместить фото на первой полосе с таким примерно текстом: «Нас регулярно читает даже настоятель тюрьмы для осужденных на пожизненное заключение. Подписывайтесь на «Невский репортер», прикладывайте заряженный целебной энергией снимок отца Павла к проблемным местам, и вы получите полное избавление от любых болезней, включая kleптоманию, алкоголизм и энурез, в течение девяти дней!!!»

Бред как раз в духе нынешней «желтой» прессы.

Глава 5

Предчувствие не обмануло меня! Нужную статью я обнаружил уже под утро, вдоволь начитавшись и насмотревшись такого бреда, от которого голова шла кругом. Часы на стене пробили четыре раза, за окном тесной, заставленной книжными полками комнатухи забрезжил хмурый рассвет. Увидев на очередном развороте еженедельника цветную фотографию, я почувствовал, как из погружающейся в дремоту головы мгновенно улетучилась сонливость, а с век снялась свинцовая тяжесть.

Секундного взгляда на снимок оказалось достаточно, чтобы понять: вот он, ключ к разгадке тайны похищения девочки!

С глянцевого страницы журнала на меня с прищуром и вызовом смотрели сквозь сальные лохмы и темные очки четверо отвратительного вида загримированных субъектов, одетых в черную кожу, драные майки с адскими сюжетами и рваную, потертую джинсу. На их пальцах сверкали серебряные перстни в виде черепов, свастик и обвивающих рукояти кинжалов змей, на груди на массивных цепях висели перевернутые распятия. В центре снимка стоял пятый персонаж – мой давешний помощничек с Петергофского шоссе. Он хищно ухмылялся в реденькие накладные усы и острую козлиную бородку рыжего цвета, сложив руки на груди и победительно поставив каблук на живот лежащей навзничь обнаженной пышногрудой, измазанной кровью бледной женщины с косой в руках.

Отзывчивый прохожий собственной персоной! Я узнал его сразу, несмотря на фальшивую «ботву» и майку вместо дорогого костюма. Рельефная мускулатура и могучий волосатый торс вчерашнего незнакомца, обнаружившиеся на снимке, произвели на меня некоторое впечатление... Хоть сейчас на подиум, руки-ноги перед публикой гнуть.

Разглядывая бицепсы этого типа, я вдруг вспомнил старую армейскую поговорку, которую любил повторять молодым офицерам-десантникам наш инструктор по рукопашному бою из «Белых барсов», майор Сан Саныч Кондрашов: «Шкафы, когда падают, сильно гремят. Учтите, парни!». Остроумный был мужик, веселый, душа компании. Его убили в Анголе во время вооруженного мятежа...

Приглядевшись повнимательней к четверке патлатых, я вскоре опознал и загримированного практически до неузнаваемости Люцифера. Трое других мне были неизвестны. Толстяка Пороса, в котором было добрых два центнера, на снимке я не обнаружил...

Задержав взгляд на странной фотографии еще на мгновение, я целиком переключился на сопроводительный текст, написанный Анжеликой Гай и броско озаглавленный: «Протухший ливер, господа!». Я, словно томимый жаждой путник, принялся захлеб глотать строки, пропуская те из них, что не несли в себе смысловой нагрузки: «...надцатого октября в одном из ночных клубов Питера в обстановке полного безумия и отрыва прошли гастролы группы «Гниющие внутренности», скандально известной в узких кругах поклонников спид-трэш-металла. Как и на все концерты этой оторванной напрочь команды, входные билеты не поступали в свободную продажу, а распространялись исключительно по приглашениям среди нескольких десятков проверенных членов клуба, каждый из которых, по слухам, выложил за просмотр и непосредственное участие в «Шоу живых мертвецов» по полторы тысячи баксов!!! Секретность, неизменно сопутствующая гастролям парней из «Гниющих внутренностей», обусловлена прежде всего теми жуткими сценами, которые происходят во время концерта, имеющего столь же близкое отношение к тяжелой музыке, как попавший в дефолт российский рубль к несгибаемому и твердому американскому доллару. Настоящие имена участников группы неизвестны. Только клички: Крыса, Вампир, Люцифер и Сибирская Язва. Своего продюсера сами «внутренности» гордо кличут не иначе как Воландом... Практически на каждом концерте группы несколько человек из публики падают в обморок, преимущественно – впечатлительные

женщины, впервые посетившие представление. «Шоу живых мертвецов» по своему сценарию очень похоже на присущие культу сатаны магические ритуалы, сопровождаемые элементами садомазохизма, варварским убийством животных, обильно льющейся на сцену теплой кровью, танцами на принесенных в жертву истерзанных тушах в клубах летающего в свете софитов куриного пуха. И наконец кульминация – безобразные половые сношения с голыми девушками из сопровождающей музыкантов «подтанцовки»!!! В порыве экстаза их совершают прямо на глазах у зрителей все участники группы «Гниющие внутренности»... Последнее вызывает особый восторг сытно жрущей за накрытыми столиками или бьющейся в конвульсиях на танцплощадке специфической публики!.. Излишне говорить, что ни один психически нормальный человек не пойдет на подобного рода концерты и уж тем более не станет платить сумасшедшие деньги за билет. Но ведь кто-то платит – и это факт!.. Неизменные аншлаги и дикий ажиотаж, которые вот уже второй сезон сопровождают гастроли скандальной четверки музыкантов не только в нашей стране, но и по закрытым клубам Европы и Америки, наглядно демонстрируют, в чьих руках находятся *настоящие* деньги и какого рода развлечения пользуются спросом у так называемых «новых русских»... Если так пойдет и дальше, то никто не удивится, если в скором времени на одном из закрытых концертов «Гниющих внутренностей» в угоду чавкающей публике будет публично совершено убийство человека, как того и требуют сатанинские ритуалы... Таких нелюдей, как питомцы лже-Воланда, нужно подвешивать за одно место на Лобном месте... И, уж во всяком случае, так называемыми музыкантами вкупе с предоставляющими им площадки дельцами от шоу-бизнеса давно должны были заинтересоваться наши доблестные спецслужбы. Но гастроли отморожков, открыто проповедующих поклонение дьяволу, несмотря ни на что, продолжаются. Ау, где вы, внуки Железного Феликса?! Нет ответа...»

Дочитав статью до конца и резко отодвинув от себя подшивку еженедельника, отчего тяжелая папка едва не слетела со стола, я крепко, до боли в скулах, сжал зубы и неподвижно просидел так целую минуту, пока челюсть не свело судорогой. В моей голове с упорством заезженной пластинки раз за разом прокручивалась раздробленная на составляющие фраза: «...никто не удивится... на одном из закрытых концертов... публично... убийство человека... как того и требуют...»

Я никогда не был предсказателем, но страшная догадка в моем сознании становилась все отчетливее и яснее. Получая огромные гонорары за демонстрацию гнусного шоу, бесы с гитарами, в отличие от обычных артистов, выступали не только ради денег... Для этих субъектов все было всерьез! Теперь я окончательно уверился, что похищение двухлетней Лизочки – дело рук давно и навсегда расставшихся с разумом лохматых гадов, заслуживающих возмездия. И не только от Господа нашего, от суда которого не уйти никому из смертных... Только извращенный, сгнивший мозг мог додуматься до такого варварского плана!.. Как священник, однажды и навсегда выбравший путь во Христе, я искренне верил в то, что каждому рано или поздно воздается по делам его. Но от мысли, что жестокая кара постигнет чертопоклонников лишь спустя долгие годы, мне становилось горько. Так не должно быть!

Почему же сыщики не обратили внимания на Анжеликину статью, написанную почти пять месяцев назад? Возможно, они недоверчиво отнеслись к столь легкой зацепке именно из-за ее легкости. А может, сбили с толку заковыристое название статьи и первые строчки, сообщающие о каком-то концерте какой-то скандальной «тяжелой группы»? «Ну при чем тут похищенный ребенок? Вот если бы речь шла о крестном отце или хоть о чиновнике из окружения губернатора, тогда бы мы...»

В большинстве случаев ход мышления замордованного работой и жизненными неурядицами опера стереотипен, шаблонен. Так или иначе, но в момент беглого просмотра публикаций в «Невском репортере» милиционер не обладал той информацией, которую получил я, не сидел под дулом пистолета в разбитом автомобиле и даже толком не знал, что именно он ищет в подшивке...

Теперь, когда разрозненные части головоломки сложились в одно целое, я был убежден, что похищением и тихим убийством ребенка дело не закончится. И неистово надеялся, что Лизочка Нагайцева до сих пор жива! Потому что знал – если *это* случится, убитым горем родителям обязательно предоставят доказательства, возможно, в виде фотографий или видеозаписи. Ужасные, леденящие душу доказательства смерти двухлетнего ребенка, способные в один момент свести нормального человека с ума. Предоставят только для того, чтобы поглотиться, с безопасного расстояния наблюдая за финалом трагедии, похрюкивая от радости, потирая потные ладони, пьянея от осознания собственной безнаказанности!

Убрав папку в спортивную сумку и задвинув ее под стол, я на минуту задумался, уставившись на перехваченный в двух местах изолентой доисторический телефонный аппарат. Потом снял трубку и во второй раз за сутки предпринял попытку дозвониться до генерала Корнача. Часы показывали четверть пятого утра...

– Слушаю, – как и в прошлый раз, ответил бесцветный голос.

– Это Аверин, я звонил вам вчера. Мне срочно нужен Алексей Трофимович.

– Этот номер ему больше не принадлежит, – заученно отфутболили меня с той стороны. – Ничем не могу помочь.

Опять то же самое?! Ну уж нет, дудки...

– Послушайте, грозный страж телефона, я вам не мальчик с улицы! – не выдержал я. – Дело особой важности! Вы должны передать генералу, чтобы он связался с Авериным. Номер у вас на определителе... Не знаю, что там у вас за конспирация, но на карту поставлена жизнь человека! Ребенка, вы это понимаете?!

На этот раз в трубке повисла короткая пауза – видимо, эмоциональная нагрузка моей тирады произвела на безликого собеседника некоторое действие.

– Вам перезвонят, как только сочтут нужным, – наконец нашелся службист и повесил трубку.

И на том спасибо, добрый человек. Дай бог тебе счастья.

Я твердо решил, что подожду ровно тридцать минут, и, если мой бывший командир не даст о себе знать, свяжусь с опером Томанцевым, одним из тех двух сыскарей, с которыми я общался в салоне «Жигулей» в Озерках. Хочешь не хочешь, а придется ткнуть доблестную милицию носом в то самое место из подшивки, которое они пропустили.

Сейчас, когда я – вольно и невольно – сделал за них основную часть розыскной работы, сыщикам останется лишь проглотить пилюлю, запустить на полную мощь ржавый маховик милицейской машины и как можно быстрее найти в пятимиллионном городе выход на логово сатанистов, а затем накрыть их силами ОМОНа. Похищенная девочка должна быть где-то рядом. В конце концов, заставить «шоуменов» открыть рот и произнести несколько членораздельных слов...

Время шло, а телефон продолжал молчать. Одно я знал точно: если такой человек, как генерал Корнач, не отзывается, значит, на то есть более чем убедительная причина.

Вместо получаса я прождал сорок две минуты. Затем набрал номер мобильного телефона капитана Томанцева и доходчиво разъяснил ему пользу вдумчивого чтения «желтой» прессы.

– Значит, трэш-металл, «Гниющие внутренности»? – переспросил сыщик, хмыкнув. – Любопытно, м-да... Вот что, батюшка, назовите дату выхода журнала, чтобы мне не ехать к вам в храм за папкой. У нас в архиве есть все питерские издания – должны быть, во всяком случае. Хочу сам взглянуть на этих красавцев...

– Тридцать девятый выпуск за прошлый год.

– Понял. А вы... – капитан на секунду замешкался, – вы не могли ошибиться, отец Павел? В вашем возрасте да еще после перенесенного стресса и аварии... Сами ведь сказали: музыканты на фото в гриме. Да и повод для жуткой мести какой-то, прямо скажем, притянутый за уши. Ну статья, ну нелицеприятная, и что дальше?! Тут как в басне: а Васька слушает да ест.

С этими словами капитана я вынужден был согласиться. Должно быть что-то еще. Возможно, статья лишь катализатор. Хотя кто знает, как устроены мозги у сатанюг?

– А касаето оторванных куриных голов и сексуальных оргий на сцене, то это у нас сплошь и рядом, – продолжал оперативник. – Вы концерт рок-группы «Коррозия металла» по телевизору не видели? Их солист еще в депутаты Госдумы баллотировался, слава богу, не прошел... Между прочим, один из его музыкантов живет с бывшей женой писателя...

– У меня и со зрением, и с памятью все в порядке, сын мой, – перебил я увлекшегося капитана, мысленно еще раз пожалев о том, что не дозвонился до Корнача. – И лет мне пока еще не семьдесят пять, а лишь сорок два... Нет, и не ошибся. Это их джип сбил меня на Петергофском шоссе. И это они похитили Лизу. Думаю, вам стоит немедленно сообщить коллегам из спецслужб, что информация – моя и продавца из киоска – не только подтвердилась, но и дополнилась конкретными фактами.

– Статья про голых шлюх – это еще не факт, а только версия, – сухо отрезал Томанцев. – Маловато будет для киднепинга! Ладно, отец Павел, вы не волнуйтесь. Спасибо за помощь однозначно и – можете отдыхать. Дальше уже наша мужская работа. Всего доброго.

– Я позвоню вам позже, поинтересуюсь ходом поисков, – поспешил добавить я, прежде чем Томанцев прервет связь. Подчеркнутое упоминание о «мужской» работе пришлось проглотить.

– Думаю, это лишнее, – фыркнул капитан и откашлялся. – Когда девочка отыщется... или не отыщется... в общем, вы узнаете об этом одновременно с ее родителями. До свидания, батюшка. Если понадобится, я вас найду, даже на острове посреди озера. Кстати, сколько вы еще пробудете в Санкт-Петербурге?

– Теперь не знаю, – честно ответил я. – Сколько потребуется... Пока не...

– Все, что могли, вы уже сделали! И бога ради, не болтайте под ногами у профессионалов! Отдохните чуток и можете спокойно возвращаться на свой остров. А мы, так уж и быть, постараемся, чтобы в обозримом будущем свободных вакансий в вашем мужском монастыре не осталось! Ха-ха! Шучу, конечно...

– Их и так почти нет. Храни вас господь, – стараясь голосом не выдать эмоций, я попрощался с капитаном и первым повесил трубку.

На душе было еще тоскливей, чем до разговора с опером.

«Они не найдут... не найдут... не найдут...» – набатным гулом звучало в мозгу.

Я поднял уставшие от ночного бдения глаза и посмотрел на стену, где висели массивные старинные часы. Качая медным маятником, они мелодично отзвонили четверть шестого.

Глава 6

В Северной столице Юра Величко оказался впервые в жизни и, разумеется, не имел ни малейшего понятия, где находится принадлежащее воскресшему из небытия отцу, бизнесмену Леониду Александровичу Флоренскому, казино. Выйдя из здания Финляндского вокзала и оглядевшись по сторонам, он подошел к стоянке такси и через припущенное стекло спросил у развалившегося на сиденье желтой «Волги» грузного пожилого водителя:

– Знаешь, где казино «Полярная звезда», шеф?

– Двести рублей, и поехали, – опытным взглядом оглядев потенциального клиента, явно приезжего, небрежно кивнул труженик баранки.

– Это далеко? – нахмурил лоб Юрка. Названная ушлым таксистом сумма превышала цену железнодорожного билета из Вологды.

– Пешком задолбаешься, – лениво пожал плечами таксист, почесывая лысину и вполглаза косясь на скромно одетого и явно не прибалшенного провинциала. Видя его колебания, умышленно тронул ключ зажигания и, не вынимая изо рта дымящейся сигареты, буркнул: – Так что, едем или как?

– Поехали, – поняв, что выбора у него нет – не станешь же, не зная адреса, приставать к прохожим с расспросами о местонахождении игорного дома, – Юрка сел рядом с лысым хапугой на продавленное сиденье, поставив под ноги полупустую спортивную сумку.

Много ли вещей нужно человеку, не собирающемуся торчать в чужом незнакомом городе больше суток? Скорее всего он вернется на вокзал уже сегодня, купит билет и уедет назад в Вологду. Вот только вначале господин Флоренский узнает о существовании у него двадцатилетнего сына, у которого две недели назад умерла мама.

«За столько лет даже не поинтересовался, как она там! – в который раз подумал Юрка. – Эх, дать бы этому козлу хорошенько в табло за то, что сбежал и бросил беременную маму... Да что толку? Прямо «мыльная опера»! Богатые тоже плачут!»

Но не приехать в Питер Юрка не мог. Желание увидеть отца было сильнее испытываемой к этому по сути совсем постороннему человеку брезгливой неприязни. Он должен хотя бы посмотреть ему в глаза...

– Деньги вперед, парень, – запустив мотор, неожиданно потребовал таксист. – Знаю я вас, таких...

– Не бойся, не продинамлю. – Юрка достал из кармана джинсовой куртки деньги и бросил на торпеду «Волги» две красные бумажки. За командировку сводного батальона морпехов Северного флота в мятежную Чечню, за все то кровавое дерьмо, которого он там успел нахлебаться, государство заплатило нормально, на первое время хватит. Вернется домой, поступит на службу в ОМОН, и жизнь потечет своим чередом.

Забрав две сотни, лысый резво отъехал от стоянки, и скоро «Волга» уже катила по набережной Невы. Юрка прилип к стеклу, с любопытством разглядывая проносящиеся мимо дома.

– А на фига тебе в такую рань в казино? – решился на разговор бывалый таксист, искоса поглядывая на удачно подвернувшегося пассажира. На нем, лохе приезжем, он за пять минут поймел полторы сотни рублей. Ночной клуб-казино «Полярная звезда» находился буквально в нескольких кварталах от видневшегося за рекой Большого дома – здания ГУВД. – В рулетку балуешься? Так еще утро, закрыто...

– Дело у меня в казино, – ответил Юрка. – К отцу приехал, – не удержавшись, сообщил он.

– Пашет там? – осведомился лысый, сворачивая на мост.

– Хозяин... его это казино, – буркнул Юрка и вдруг – странное дело – впервые ощутил некое подобие гордости за то, что его родной отец – крутой воротила, владелец казино. Сказав лысому толстяку об отце, он с удивлением ощутил, как внутри разливается приятное тепло.

Бред какой-то! В торец надо давать таким отцам, а не гордиться их грязными мафиозными бабками...

Юрка двадцать лет прожил без отца. Была только мама, и это не вызывало в нем никаких комплексов. Хотя порой, особенно в детстве, было до слез обидно и ужасно завидно, когда кто-то из дворовых пацанов говорил: «А вот мой папа научил меня водить машину и обещал взять с собой в Магадан мыть золото!» Жил себе спокойно, и вдруг все встало с ног на голову. Мамы, любимой и единственной, больше нет и никогда не будет. Зато возник он, беглец долбаный, ком с горы...

– Повезло тебе, – недоверчиво покосившись на загорелого веснушчатого парня, проговорил таксист. – Давно не виделись? Предки в разводе?

– Давно, – кивнул Юрка. – Никогда не виделись. Вот еду знакомиться...

– Чё-то я не врубился, – наморщил лоб толстяк. – Пургу гонишь или правда?

– Какая тут пурга! – фыркнул Юрка. – Бросил мать, когда меня еще на свете не было, один проект. Надо же когда-то поглядеть ему в светлы очи...

– Во даешь! – покачал головой таксист, ощерившись в улыбке. – Ну, хорошо хоть так... Теперь, если повезет, круто поднимешься. У меня вон вообще никаких родителей не было, все в войну погибли. Детдом. Зато сейчас трое детей и пятеро внуков! Сам-то, наверное, из Вологды?

– Как догадался? – с подозрением посмотрел на лысого Юрка.

– Ха! Так я третий год у вокзала банкую, расписание поездов наизусть выучил – когда прибытие, когда отправление, – протяжно, с ленцой сказал таксист, сворачивая в тихий переулок и прижимая «Волгу» к высокому бордюру. – Все, земля, приехали. Вон твое казино. Здесь тебе и полюс, и звезды в одном флаконе! – Лысый ткнул пальцем в роскошный, облицованный вишневым гранитом фасад старинного трехэтажного особняка.

– Слушай, так тут от вокзала двадцать минут пешком, – прищурился Юрка, внимательно посмотрев на бульдожьи щеки и заплывшие глазки толстяка. Тот лишь неопределенно хмыкнул и полез за сигаретой.

– Дык работа у меня такая, земляк. Кстати, это еще по-божески, мужики могли взять и триста, – сказал он, щелкнув зажигалкой. – Ничего, тебе папаша с лихвой компенсирует. Будешь как сыр в масле кататься!

– Это мы еще поглядим, кто кому и за что компенсирует, – открывая дверцу и выпрыгивая на выложенный декоративной плиткой тротуар, обронил на прощание Юрка. – Бывай, дед Мазай...

– погоди, слышишь! На-ка, возьми, – таксист протянул визитную карточку. – Если понадобится тачка, можешь звонить в любое время. Или диспетчеру, или мне, на трубу.

– Ладно, – машинально беря визитку и пряча ее в нагрудный карман, сказал Юра и захлопнул дверь. Взревев мотором, желтая «Волга» умчалась, оставив его перед входом в казино.

Огромная неоновая реклама на парадном козырьке, несмотря на ранний час, причудливо переливающаяся всеми цветами радуги. Массивные колонны в виде мускулистых атлантов. Высокие вращающиеся двери с чуть тонированными стеклами в золотистом профиле. А за ними – выставленный зеленым ковролином цвета травы просторный холл с раскидистыми декоративными пальмами, картинами и зеркалами на стенах, журчащим в углу фонтаном с мраморной русалкой, несколькими лакированными дверьми где-то на заднем плане и – точно в центре – широкой мраморной лестницей, ведущей на второй этаж. И – ни души. Только возле фонтана, за пальмой и пузатым кожаным диваном, сноровисто управляясь с большим пылесосом, чистила ковер молоденькая девушка в передничке...

От великолепия интерьера у Юрки захватило дух. Он стоял у парадного входа, между безмолвно взирающими на него свысока атлантами, не зная, что ему делать – прорываться

внутри сейчас или подождать до вечера, когда казино откроется для посетителей, и тогда уже войти и спросить у кого-нибудь из персонала, где можно найти хозяина.

В груди недавнего морпеха что-то неуклюже заворчалось, мешая дышать. По спине пробежали мурашки. Вход в шикарное казино казался вкусившему войны сержанту укрепленным бастионом боевиков в чеченском селе, который до захода солнца нужно во что бы то ни стало взять штурмом. Стремновато, конечно, но – куда денешься. Чечня долбаная уже в прошлом, а здесь, на гражданке, он сам себе командир...

Однако откладывать визит на вечер не хотелось. Юрка взглянул на часы. Без семи минут десять. Даже самые стойкие из игроков к этому утреннему часу, напившись и проигравшись в дым, успели разъехаться на своих модных иномарках и такси по домам, персонал тоже рассосался. Вряд ли в такое мертвое для увеселительных заведений время в особняке есть кто-нибудь, кроме уборщиц и дежурной охраны. Но, как говорится, попытка не пытка! Зря, что ли, приехал?

Забросив сумку на плечо, Юрка на ватных ногах подошел вплотную к закрытой двери и поочередно нажал на все кнопки полированной панели, продолжая с любопытством разглядывать холл и суetyающуюся там миловидную девушку с короткими белыми волосами, маленькой упругой грудкой и стройными, магнитом притягивающими взгляд ножками в мягких теннисных туфлях. А ведь они с ней, похоже, ровесники... Помимо воли в Юрке начало просыпаться, наливаясь силой, мужское начало. Вот так дела! Хорошо, что в джинсах, а не в спортивном костюме!..

Обернувшись, девушка посмотрела сквозь стеклянные двери на нежданного гостя – видимо, одна из кнопок приводила в действие звонок. Юрка поймал ее взгляд и жестом попросил подойти к двери. Но в эту секунду что-то щелкнуло и из динамика донесся недовольный, заспанный мужской голос. Только сейчас, подняв голову, Юрка заметил над входом видеокamera.

– Вас слушают, – пробасил голос.

– Утро доброе, – как можно решительнее, стараясь, чтобы голос звучал твердо, а не просительно, сказал в невидимый микрофон Юрка. – Мне нужен господин Флоренский, Леонид Александрович. Срочно.

– По какому вопросу? – после паузы с явной усмешкой осведомились с той стороны.

– По личному...

– Ты кто такой? – уже с откровенным вызовом процедил голос.

– Дед Мороз, – в тон собеседнику сухо ответил Юрка. Уступать, уходить от этих дверей несолоно хлебавши он не собирался. – Мне нужен твой хозяин. Он на месте?

– Ты от кого, парень?! – начал выходить из себя охранник.

– Сам от себя. Если тебе интересно, балда, то меня зовут Юра. А как тебя зовут, мне совершенно наплевать. Мне нужен Флоренский, и, если ты не хочешь вылететь с работы, в темпе скажешь, как его найти.

Эта перепалка с толстолобым охранником начинала Юрке надоедать, и он умышленно пошел на обострение, заставляя секьюрити потерять терпение и раскрыться.

– Слушай, ты, мудило с Нижнего Тагила, проваливай отсюда, пока тебе ноги не выдернули!!! – чеканя слова, угрожающе пробасил голос. – У тебя пять секунд на то, чтобы сдернуть с этого места!!! Потом не обижайся...

– Может, не будем ждать пять секунд? Ты скажешь, как мне переговорить с хозяином, и я уйду. А не скажешь – тогда выйди сам, потолкуем...

Разговаривая с охранником, Юрка заметил, что симпатичная девушка за стеклянными дверями казино, не прекращая пылесосить ворсистый ковер, то и дело кидает на него взгляды, и приветливо помахал ей рукой. А потом, улыбнувшись и вопросительно приподняв брови, изобразил жестом – дескать, я тебе позвоню вечером, а?.. Блондинка снисходительно улыб-

нулась в ответ, покачала отрицательно головой, перекатила пылесос в другую часть холла и с удвоенной энергией стала наводить там чистоту. Юрка невольно залюбовался ее складной фигуркой и даже тем, как она управляется с техникой...

– Леонид Саныча сейчас нет. – Видимо, уверенный тон собеседника, его манера держаться и полное отсутствие страха перед охраной произвели на секьюрити должное впечатление, и вышибала на всякий случай решил более не накалять атмосферу. – Когда будет – неизвестно. Что передать, если объявится?

– Передай ему привет из Вологды. Я зайду вечером, часиков в семь...

Поняв, что большего от охранника не добиться и на всякий случай заинтриговав господина Флоренского упоминанием о городе, где он некогда оставил свой неизгладимый след, Юрка в последний раз взглянул на симпатяшку со свисающей на лоб челкой и пошел по переулку в сторону оживленного Невского проспекта. Впрочем, о том, что это именно воспетый классиками старик Невский, по которому прогуливались персонажи Гоголя, он пока даже не догадывался. Просто урчащий желудок настойчиво требовал еды, пора было найти какое-нибудь не очень дорогое и приличное кафе и перекусить...

Забегаловка отыскалась прямо на перекрестке, в полуподвале. Уютный и почти пустой кафешник, бармен в белой рубашке с галстуком-бабочкой и сонно плавающие в аквариуме за его спиной разноцветные рыбки. Спустившись по ступенькам, Юрка подошел к стойке, бросил на пол сумку, взгромоздился на высокий табурет, заказал кофе со сливками, двойной салат, две булочки. Достал сигареты, прикурил от протянутой барменом зажигалки и, слегка расслабившись после дороги, в ожидании завтрака незаметно погрузился в размышления о предстоящей встрече с отцом...

Как-то она пройдет? Как отреагирует бизнесмен Флоренский на неожиданный сюрприз из далекой молодости в виде рослого, метр восемьдесят восемь, голубоглазого, невероятно похожего на свою мать, недавно дембельнувшегося сержанта морской пехоты? Эх, папа, папа, хер моржовый, прах тебя подери... Не свали ты тогда, в семьдесят восьмом, испугавшись известия о предстоящем внеплановом отцовстве, и все могло быть совсем по-другому...

После поездки с лысым таксистом и вполне продуктивной перепалки с охранником ночного клуба незнакомое до сегодняшнего утра ощущение принадлежности, пусть призрачной, к замкнутому клану хозяев нынешней жизни, сильных мира сего, «новых русских», вцепилось в Юркину душу железными когтями и не отпускало. Вот зараза! Но – приятно...

Да плевать он хотел на отца! Подумаешь, заделал его когда-то половой кудесник! Тут много ума не надо!

А вот ведь, погляди, как крепко зацепило. Сын владельца казино – это вам не отпрыск сантехника. На циничных весах жизни весит совсем по-другому. И звучит неплохо.

– Ваш кофе, пожалуйста, – промурлыкал с дежурной улыбкой бармен. – Салатики будут чуть попозже. Что-нибудь еще желаете?

– Нет, браток, спасибо, – покачал головой Юрка, затушил сигарету и с жадностью впился зубами в румяную булочку с творожным кремом. – Уютно тут у вас.

– Заходите почаще. – Резиновая улыбка бармена стала еще шире. – Вечером здесь значительно интересней. Тихая музыка, девочки...

«Интересно, – равнодушно кивнув, вдруг подумал Юрка, отхлебывая ароматный, сваренный по-турецки на песке кофе и разглядывая длинные ряды бутылок на зеркальной стойке, – как вела бы себя та симпатяшка в передничке, будь я не незнакомым Васей Пупкиным, а швыряющимся пачками зеленых баксов наследником своего преуспевающего отца, разъезжающим на каком-нибудь навороченном джипе или ярко-красном «Порше»? Как ответила бы, пригласи я ее на свидание и последующий ужин при свечах, с французским шампиком, корзиной роз и ванной-джакузи? Уж наверняка не так снисходительно-холодно, как десять минут назад... А все-таки смазливенькая куколка, спасу нет!»

Глава 7

Проблемы, как убить время до открытия казино, у Юрки даже не возникло. Впервые оказавшись в Питере, он, романтик по натуре, с удовольствием прогулялся по историческому центру от Дворцовой площади до Марсова Поля, на канале Грибоедова нашел знакомый по многим фильмам горбатый мост со златокрылыми собаками, постоял на набережной у Зимнего дворца, любуясь хрестоматийной панорамой Петропавловской крепости и стрелки Васильевского острова... Одним словом, вкусил всего того – пусть не всегда ухоженного – великолепия, которое ежегодно притягивает в город на Неве сотни тысяч туристов из разных стран мира и самой России. Величественный город, не идущий ни в какое сравнение с унылой провинциальной Вологдой, буквально очаровал Юру, и в какой-то момент, присев на скамейку среди скульптур Летнего сада, чтобы дать отдых гудящим ногам, он неожиданно признался самому себе, что очень хотел бы остаться здесь навсегда... Только как это сделать без связей, без постоянной работы и своего угла?

И в этом контексте снова пришли в голову мысли об отце. Собственно, они с утра никуда и не исчезали, их лишь отодвинули на второй план питерские впечатления. Иначе и быть не могло, если разобраться. Разве не для встречи с отцом приехал он в Питер?..

До вечера Юрка успел обойти почти весь центр, подстричься, купить себе приличный костюм, рубашку и ботинки и надеть их прямо в магазине вместо потертой, пропахшей потом и плацкартным вагоном джинсовки, прокатиться на метро, оставить сумку с вещами в камере хранения Финляндского вокзала, а напоследок, вконец измотавшись и устав, купить билет в случайно подвернувшийся кинотеатр, где под аккомпанемент выстрелов, любовных стонов, воя полицейских сирен и душераздирающих кровавых разборок между двумя бандами чернокожих он с большим удовольствием проспал около часа в полупустом последнем ряду. А когда фильм закончился и зрители потянулись к выходу, было уже начало восьмого, и Юрка прямым ходом направился в ночной клуб «Полярная звезда». Благо достаточно быстро научился ориентироваться в центральной части мегаполиса...

На этот раз двери казино, разумеется, были открыты. Возле них топтался забавный негритос в красной униформе с аксельбантами и высокой шляпе, почтительно приветствуя подъезжающих клиентов белозубой улыбкой и поклоном. Его губастая физиономия так сильно напомнила Юрке одного из увешанных золотыми цепями персонажей только что краем глаза увиденного фильма, что, проходя мимо швейцара, он кинул беззлобно:

– Чао, Лумумба! Клевый у тебя прикид. – На что чернокожий ответил оскалом с рекламы «бленд-а-меда» и плебейским поклоном. За это ему, клоуну, Флоренский деньги и платил. Чтобы входя в казино, клиенты уже с порога ощущали себя полубогами, для которых за их денежки здесь возможно исполнение любых желаний...

В холле у подножия мраморной лестницы стоял гориллоподобный охранник, от его уха уходил под воротник черного пиджака тонкий проводок. Юрка сразу подошел к громиле и решительно произнес:

– Мне нужен шеф. Я договаривался утром...

– Как вас представить? – Было видно, что слово «вы» далось надменно оглядевшему посетителя свиноподобному бритому секьюрити с большим усилием. Не иначе как наслышан уже об утреннем госте, хряк...

– Скажи – Юра, – без тени робости ответил Юрка и, давая понять, что беседа окончена, отошел к журчащему фонтану. В его кристально прозрачной воде, как выяснилось, плавала маленькая, но самая настоящая остроносая стерлядка.

Бугай тем временем, не спуская глаз с гостя, достал крохотную рацию и вполголоса пробурчал в нее несколько слов. Выслушал ответ, кивнул в пустоту, убрал рацию и застыл в преж-

ней позе, со сложенными спереди волосатыми ручищами, напоминая выстраивающегося в «стенку» футболиста, который опасается получить по шарам.

Вскоре открылась одна из выходящих в холл боковых дверей, и оттуда появился подтянутый невысокий мужчина лет пятидесяти. Охранник дернул подбородком в сторону дерзкого гостя, и мужчина неспешной походкой подошел к Юрке.

– Здравствуйте, я Борис Антонович Лакин, начальник службы безопасности казино, – представился он. – Дежурный передал, что вы... э-э... приходили утром... Для чего вы хотели видеть Леонида Александровича?

– Для того чтобы передать ему привет из Вологды, – оглядев мужика, с достоинством ответил Юрка. – И не только... Дело в том, уважаемый Борис Антонович, что я – его сын.

– Простите? – удивленно приподнял брови Лакин. – Я не ослышался?! Вы сказали...

– Я сказал, что я – сын Флоренского, – твердо повторил Юрка. – Моя мама и ваш хозяин когда-то очень давно, двадцать один год назад, имели близкие отношения, потом расстались, а позже родился я. О том, что у меня есть отец в Питере, я узнал совсем недавно и решил, что личная встреча нам совсем не помешает... Теперь вам все ясно, Борис Антонович?

– Пожалуй, что... да, – ошеломленно пробормотал шеф охраны казино. – А как, если не секрет, зовут вашу маму?

– Надежда Величко. На всякий случай... – Сунув руку в карман пиджака, Юрка достал бумажник, вытащил черно-белую фотографию – единственную, где были запечатлены улыбающиеся отец и мать, стоящие в обнимку на фоне березовой рощи, и протянул ее Лакину. Фото было необычное – его, похоже, разорвали, а потом бережно склеили.

– Передайте господину Флоренскому. Надеюсь, эта карточка освежит его память.

Взяв снимок, Лакин не без интереса изучил его, сдвинув к переносице тронутые сединой брови, и, поджав губы, промышчал нечто неопределенное. Снова поднял глаза на Юрку и вдруг совсем другим, более благожелательным тоном поинтересовался:

– Кстати, юноша, вы сегодня ужинали? Не хотите перекусить, пока я доложу о вашем визите Леониду Санычу? – Главный секьюрити ткнул рукой в сторону мраморной лестницы.

– Боюсь, тогда придется оставить в этом кабаке последние деньги, – хмыкнул Юрка, прислушиваясь к недовольно бурчащему животу. Он не ел с самого утра, много гулял на свежем воздухе и впрямь заметно проголодался. – В заведениях вроде вашего бокал разливного пива стоит десять баксов, а горячее – всю сотню. Я прав?

– Ну, в некотором роде, – с иронической улыбкой подтвердил Лакин. – Клуб «Полярная звезда» действительно ориентирован на весьма состоятельную публику. Но, думаю, в данном конкретном случае проблемы со счетом не возникнет. Прошу вас, – пригласил секьюрити, первым шагнув к лестнице.

Юрке ничего не оставалось, как пойти следом. На втором этаже в огромном, но потрясающе уютном овальном зале с высоченным потолком располагались игровые столы казино, бар и эстрада для артистов. Начальник охраны провел гостя еще выше – на подковой изогнувшийся вдоль стены балкон-террасу, где стояли накрытые вишневым бархатом столики, и указал на один из них, расположенный чуть в стороне, на выступающей, словно театральная ложа, площадке. С этого места открывалась вся панорама игорного зала. Посетителей в восьмом часу вечера было еще мало, сцена терялась в едва подсвеченном разноцветными софитами полумраке, игра шла всего за тремя столами – за одним в рулетку и за двумя в «блэк-джек». Возле полированной стойки бара парочка вызывающе одетых молодых девиц с ярким, похожим на боевую раскраску индейцев макияжем посасывала коктейли и с тоскующим любопытством поглядывала по сторонам в поисках прибашленных одиноких самцов.

– Сейчас я приглашу официантку. – Лакин достал из кармана модного пиджака золотую бензиновую зажигалку и, щелкнув, зажег стоящую в центре столика витую фиолетовую свечу

в медном подсвечнике. – Заказывайте, не стесняйтесь и, пожалуйста, никуда не торопитесь... Юра, – предупредил, уходя, впервые назвавший его по имени шеф охраны.

«Что ж, подождем. Да и перекусить не мешает...» Поудобнее устроившись на мягком кожаном диванчике, Юрка закурил, вытянул ноги и, даже не заглянув в меню, стал с интересом рассматривать овальный зал казино. А посмотреть было на что! То сверкающее, волнуемое и сдержанно респектабельное великолепие элитного игорного дома, что предстало перед глазами Юрки, больше походило на яркую картинку из западного журнала для миллионеров, чем на реальность. Но ведь это не сон, а самая настоящая правда!

«Наверное, в старые времена, до революции, пол был выложен инкрустированным дубовым паркетом, здесь проходили званные балы и пары кружились в вальсе, – разглядывая покрытые зеленым сукном столы и суесящихся возле них крупье, отстраненно подумал Юрка. – Интересно, кому принадлежал этот огромный трехэтажный дом раньше? Какому-нибудь князю...»

– Добрый вечер! – раздался над ухом мелодичный, словно перезвон колокольчика, голосок. – Рады видеть вас у нас в гостях! Что будете заказывать?

Юрка обернулся: рядом со столиком стояла высокая брюнетка в красной мини-юбочке, с ногами от ушей, рвущимся из выреза белой блузки крутым бюстом и блокнотиком в руках. От нее пахло дорогими духами и готовностью исполнить любое пожелание богатенького клиента, на которого, к слову сказать, расположившийся за отдельным столиком молодой парень после покупки модного прикида и посещения парикмахерской был очень даже похож. Как говорится, лохи сюда не ходят. Официантка, игриво посверкивая глазами и хлопая длинными ресницами, терпеливо ждала заказа.

– Светлого, пива, похолоднее... – неуверенно начал Юрка.

– Какое желаете? – мягко перебила девушка. «Холстен», «Туборг», «Кофф», «Лёвенбрю»? У нас пятнадцать сортов разливного пива.

– А «Балтики» нет?

– К сожалению, – надув пухлые губки, пожала плечами официантка, при этом ее коричневый от искусственного солнца бюст угрожающе закачался и подался вперед, норовя и вовсе выскочить из полупрозрачной блузки. – Только фирменное. Но, если очень хотите, я могу попросить девочек, и они сходят...

– Не нужно, я здесь ненадолго, – махнул рукой Юра, и тут его словно прорвало: – Значит, так, золотце. Тащи бокал пивка, любого. Орешки лесные. Буженины с зеленью и хреном, креветки и жульен из боровиков.

– Это все? – быстро черкнув в блокноте, мурлыкнула красотка. – А пить ничего не будете? Коньяк? Виски? Есть коллекционные марки...

– Нет. Все, иди, не отвечивай, – по-барски взмахнул ладонью Юра, пыхнул сигаретой и отвернулся к лакированным балясинам балкона.

И тут снова на него накатило поганенькое ощущение принадлежности к тем, кто заказывает свою музыку, а не пляшет под чужую. Вот он, простой вологодский парень, недавний морпех, в тельняшке под модной итальянской рубашкой и пиджаком, сидит в одном из лучших в Питере, да что там – во всей России! – казино и, небрежно цедя слова, заказывает блюда, названия которых случайно запомнил по одному из отечественных телесериалов о ментах и бандитах. Там такой же в точности заказ делал в московском ресторане «Славянский базар» крестный отец сибирской братвы Треф, приехавший в столицу на переговоры с местными криминалами, бомбанувшими его фуру с наркотой... А он, Юра Величко, вдруг возьми да и повтори то же самое! Что за наваждение такое! «Ты что, сержант, крышей поехал?! Сладкой жизни Северной столицы на халяву захотелось? За чужие денежки? Кем ты себя возомнил, ноль без палочки?! А как же мама, растившая тебя одна, без помощи сделавшего ноги папаши и в две смены вкалывавшая на вредном производстве ради крохотной комнаты в коммуналке и места в детсаду?! Ты ведь сейчас ее светлую память за тридцать сребреников, за халявный

ужин в дорогом отцовском кабаке продаешь, брат... Что, исчезло желание раскрыть Флоренскому глазки, собраться с духом и по-мужски врезать в челюсть, а потом развернуться и уйти из его сытой жизни навсегда?»

Юрке вдруг стало так погано, так стыдно за свои попугайские слова, лениво слетевшие с губ в разговоре с пышногрудой официанткой, что он, глядя вслед ее вихляющейся попке, с досадой стукнул кулаком по столу и вслух отматерил себя последними словами.

– Все, баста, наигрался в крутого мэна, – процедил он тихо. – Кретин... Давись теперь своим жюльеном, – и подумал мимоходом: «Знать бы еще, что это такое – жюльен и с чем его едят! А то выхлебаешь, как у Задорнова, пиалу с персиком, поданную для мытья рук после омара...»

Нет, никакой халявы он не допустит. Ужинать за счет заведения – значит, с ходу встать перед отцом-подонком на задние лапки, как выпрашивающий конфетку и плебейски виляющий хвостом Тузик.

Юрка твердо решил, что по счету заплатит сам. От взятых с собой в дорогу денег после покупок осталось пять с половиной тысяч рублей – этого должно хватить с лихвой. Пусть Флоренский не думает, что объявившийся великовозрастный сыночек приехал к богатому папочке, чтобы сесть ему на шею и свесить ножки! «Не-ет, такой номер не пройдет. У нас еще гордость мужская имеется. Обязательно потребую принести счет!..»

Решение самому заплатить за ужин вернуло Юрке утерянное было чувство собственной значимости. Он перестал ощущать себя бедным родственником, чужаком на празднике этой «сладкой жизни». Сержант Величко честно, не прячась за чужие спины, воевал с «духами» в Чечне, получил от государства свои заслуженные боевые рубли и теперь имеет полное право тратить их так, как считает нужным!

От таких самоутверждающих мыслей и без того волчий аппетит разыгрался еще сильнее. Когда официантка принесла поднос с закусками и Юрка увидел, что заказанный им таинственный жюльен есть не что иное, как запеченные в сметане с луком грибы под корочкой расплавленного сыра, к тому же в крохотной металлической кастрюльке «на два зуба», то в придачу попросил шашлык из лососины и столичный салат. И с огромным удовольствием приступил к поглощению деликатесов, запивая их кисловатым, явственно отдающим дрожжами бледным импортным пивом. Если верить наклейке на бокале и эмблеме на подложенном под него картонном кружочке, пойло называлось «Гролш», и стоило оно уйму денег. Впрочем, на Юркином аппетите это нисколько не сказалось...

Увлеченный ужином, он не забывал поглядывать вокруг в поисках наверняка наблюдающего за ним со стороны папаши. Но ни мордovorотов-охранников, ни самого Флоренского, насколько Юрка мог судить по разорванной, а позже склеенной матерью старой фотографии, на балконе не наблюдалось. Уже сорок минут как ушел Лакин, а он все торчит здесь, за особым столиком, совсем один...

«Если через десять минут не появится лось сохатый, расплачиваюсь по счету и на хрен уезжаю на вокзал!» – с раздражением решил Юрка, в очередной раз взглянув на подаренные комбатом «командирские» часы.

На стенах казино, как уже отметил Юрка, часов не было вообще. Не было и дневного света – на высоких окнах зала непреодолимой для него преградой висели тяжелые бархатные шторы. Хитро придумано! Чем незаметнее летит время, тем дольше клиент торчит за игровым столом. А чем больше играет – тем больше проигрывает... Неужели все те, кто приходит сюда по вечерам с карманами, набитыми бабками, об этом не знают? Знают ведь! А все равно идут. У богатых, как известно, свои привычки...

Прикулив последнюю, как он решил, сигарету и холодно скользнув взглядом по узкой винтовой лестнице, ведущей из зала на балкон, Юрка заметил быстро поднимающегося по ней

человека. Он еще не мог разглядеть его лица, но сердце предательски защемило, а по спине, от затылка до поясницы, пробежала ледяная волна. На секунду стало трудно дышать...

Это был отец, вне всякого сомнения. Он чуть погрузнел, чуть полысел, но оказался вполне узнаваемым. На нем были белые хлопковые брюки, легкая рубашка с расстегнутым воротником и свободный бежевый пиджак в мелкую клетку. На шее поблескивала не особенно толстая золотая цепочка, а на брючном ремне висел мобильный телефон в кожаном чехле. В целом Флоренский производил впечатление средней руки торговца, зашедшего расслабиться и проиграть пару сотен долларов, и уж никак не походил на хозяина казино. Юрка представлял себе его в строгом черном костюме, с бриллиантом в два карата на безымянном пальце, с холодным, равнодушным взглядом и неизменной сигарой в зубах.

Ничего подобного не было и в помине! Хозяин «Полярной звезды» Леонид Александрович Флоренский на вид ничем не отличался от обычного крепкого коммерсанта, каких и в Вологде пруд пруди. Где-то в глубине души Юрка даже был немного разочарован, подсознательно ему хотелось увидеть отца в образе такого Майкла Корлеоне, неспешно шествующего мимо игровых столов в сопровождении двух мордатых амбалов в черных очках. А тут такой облом! Иные клиенты казино, как успел заметить со своего наблюдательного пункта Юрка, смотрелись не в пример круче его папаша.

Господин Флоренский подошел к столику.

Ну вот и свиделись. Мать твою...

Не поднимая глаз, Леонид Александрович выдвинул стул, сел, вытащил из кармана и бросил на бархат скатерти пачку «Мальборо» и зажигалку, прикурил, жадно вдохнул дым и лишь затем, подперев ладонью гладко выбритый раздвоенный подбородок, посмотрел сыну в глаза долгим взглядом. Пару раз Юре казалось, что отец хочет заговорить, но тот лишь на мгновение приоткрывал рот, набирая в легкие воздух, и продолжал молча разглядывать его.

Тогда Юрка первым нарушил тишину и, уставившись на мерцающий огонек свечи, тихо проговорил:

– Ну здравствуй, что ли... отец, – и тут же поразился, как робко и придушенно прозвучал его обычно твердый и уверенный голос. – А ты совсем не изменился, такой же, как на снимке двадцатилетней давности. Я бы тебя в толпе узнал.

– Здравствуй, парень, – выдохнул наконец Флоренский. Бросив сигарету в пепельницу, он, сопя, медленно провел ладонями по лицу, словно смывая остатки затянувшегося сна. А может, сбрасывая с себя наваждение. – Ты очень похож на Надю... на свою мать, – прошептал, медленно отнимая ладони от лица, коммерсант. – Прости ради бога, что спрашиваю об этом, но... когда ты родился? Месяц, день? – Флоренский замолчал, напряженно ожидая ответа и не спуская с сына изучающего взгляда.

– Я понимаю, – кивнул Юрка. – Я родился двадцать третьего февраля семьдесят девятого года в пять часов сорок минут утра. Аккурат в день Советской Армии и Военно-Морского Флота. Из которого я, между прочим, всего две недели назад дембельнулся.

– Все сходится, – словно оглашая приговор суда, торжественно произнес бизнесмен. – Значит, ты действительно мой... сын.

– А ты думал, я шучу? – горько усмехнулся Юрка. – Мыльный сериал разыгрываю – «Моя вторая папа»?!

– Ничего я не думал. У меня не было на это времени. Лакин меня своим известием чуть не угробил. Думал, что для одного из нас дурку вызывать придется. Но я рад тебя видеть. – Эти слова прозвучали как-то не слишком убедительно. – Как там... мать? Наверное, кроет меня, подонка трусливого, на чем свет стоит. Заслуженно, наверное... – Флоренский пожал плечами. – Но ведь я даже понятия не имел, что Надежда ждет ребенка! Впрочем, если бы и знал... По правде говоря, парень, у нас с твоей матерью не было очень уж близких отношений и тем более – пылкой любви. Хотя, прости за подробности, я был ее первым мужчи-

ной... История довольно банальная. Познакомились двое молодых людей на танцах, встречались, гуляли, спали вместе, смеялись, а потом все закончилось... Ты уже взрослый мужик и должен понять: нельзя жениться на каждой девчонке, с которой переспал! Что ты на меня так смотришь? Цинично, да?.. Возможно, но лишь в нашем конкретном случае и если смотреть с высоты прошедших лет. Но жизнь – вообще штука циничная. Романтики в джунглях не выживают и до гробовой доски собирают крошки с чужого стола, – сухо процедил Леонид Александрович и, жадно глотнув дыма, хотел сказать что-то еще, но Юрка не дал ему этого сделать.

– Да знал ты все, знал! – выкрикнул он чуть ли не с яростью, но тут же взял себя в руки и прошептал: – Только теперь это уже не имеет значения. Мама умерла...

Окинув невидящими повлажневшими глазами игорный зал, где копошились у столов безликие посетители, Юрка снова в упор взглянул на отца и удивился той перемене, которая произошла с Флоренским за две промелькнувшие секунды.

Лицо хозяина казино побелело, словно угодило в жидкий азот. Юрка подумал, что сыграть такое невозможно, и, слегка оттаяв сердцем, продолжал уже спокойно:

– Две недели назад... От рака. Она на асбестовом заводе работала. Когда ее в больницу положили, соседка телеграмму у главврача завизировала и в часть отправила. Но наш бат тогда не в базе был... Пока телеграмма до Гудермеса окольными путями дошла, пока в штабе рассмотрели и уволили с боевых на три недели раньше срока, пока из Чечни доехал – успел как раз на похороны... На следующий день дома тетрадку нашел. А там – письмо для меня, неотправленное. И фотография ваша. Видно, чувствовала мама, что больше не увидимся...

Дрогнувшей рукой Юрка достал сигарету из пачки «Петра Первого», прикурил. Закусив нижнюю губу, долго глядел на огонек свечи. Сглотнул подступивший к горлу ком и закончил:

– Она тебя случайно по телевизору узнала, на открытии казино. Вот я и подумал, что неплохо хоть разок увидеть своего настоящего отца. Погибшего, блин, летчика! Мать выдавала за тебя своего двоюродного брата, дядю Георгия. Тот на самом деле был испытателем, только погиб, как выяснилось, еще в семьдесят пятом, в Казахстане, подняв в небо новый «МиГ»...

– Надя рассказывала, помню, – кивнул бизнесмен. – Мне очень жаль, что она... такая молодая. А ты, значит, служил морпехом и воевал в Чечне? – Флоренский с новым интересом разглядывал сына. – У Лакина в охране есть один «краповый берет», тоже там побывал, только в прошлую кампанию... Ладно, шут с ним, давай лучше поговорим о тебе. Чем на гражданке думаешь заняться?

– Пока не решил, – пожал плечами Юра, снова ощутив то самое мерзкое щекотание в груди, как при разговоре с лысым таксистом. Взял себя в руки и добавил: – Домой вернусь. Пойду в ОМОН служить. Вакансии есть, я узнавал. После Чечни меня сразу возьмут.

– Куда пойдешь?! – Глаза коммерсанта округлились, на лбу нарисовались три глубокие морщины. – В ОМОН?! – Флоренский даже не пытался скрыть неприязненную усмешку. – Здрасьте, жопа Новый год! Значит, так, Юрок, оставь эту бредовую идею с ментовкой пробитым отморожкам от сохи, понял?! Молодец, что приехал. Лучше поздно, чем никогда. Теперь, когда ты здесь, рядом, у тебя проблем не будет. Я обо всем позабочусь.

Не дождавшись ответа, покончивший с сантиментами Флоренский с явным облегчением перешел на более привычный ему сухой, деловой тон:

– Кстати, в Вологде, дыре этой, тебе тоже делать нечего! Сюда переберешься. Я все устрою, квартира будет уже сегодня, остальное – завтра. Ты когда приехал?

– Сегодня утром, – чувствуя себя бильярдным шаром, стремительно летящим в лузу по заданной кем-то траектории, бесцветно отозвался Юрка. – Я уже приходил. Тебе, наверное, передавали...

– Разумеется. Клоунада у нашего входа – явление не частое. Где остановился? – продолжал напирать отец, уже сняв с пояса сотовый телефон и набирая номер.

– Пока нигде, – пожал плечами Юрка. – Собирался с тобой повидаться, сесть сегодня же на поезд, и назад.

– Забудь, я сказал! Здесь жить будешь, а вещи свои из Вологды позже забереешь! – Прижав трубку к уху и услышав сообщение, что вызываемый абонент вне зоны досягаемости, Леонид Александрович тихо ругнулся сквозь зубы и бросил мобильник на стол. Снова посмотрел на Юрку, в лице которого не нашел ни малейшего признака ликования от полученного предложения. Парень выглядел серьезным и даже суровым.

– Я не понял. В чем дело, сынок? – спросил Флоренский на полтона тише. – Ты не хочешь, чтобы я помог тебе и дал возможность жить по-человечески? Тебе не придется унижаться за грошовую подачку и непонятно за каким лешим рисковать своей жизнью в ОМОНе. Или тебе не нравится старик Питер и ты хочешь назад в глухомань? Так сказать, ближе к земле и народу?!

– Нет, мне очень нравится этот город, – выдержав испытующий отцовский взгляд, ответил Юрка. – И, разумеется, я хочу жить нормально...

– Ну так в чем проблема?! Ты свое лицо в зеркале видел? – с вызовом спросил Леонид Александрович. – Посмотри!

– Мне кажется, ты кое о чем забыл, отец, – все с тем же напряженным выражением лица и металлом в голосе выдал Юрка. – Ты забыл попросить у меня прощения. И у мамы, хотя ее больше нет... Или ты считаешь, что ни в чем перед нами не виноват? Если так, то нам вообще не о чем разговаривать... Чего же ты замолчал? Считаешь себя кругом правым? А мое рождение и жизнь без отца – это просто досадное недоразумение, не стоящее выеденного яйца?! Или гордость миллионера не позволяет просить прощения?..

– Я действительно виноват, – с трудом выдал из себя Флоренский. – Но все это было так давно! С тех пор прошла целая жизнь! Сейчас я могу круто изменить твою судьбу начиная прямо с этой минуты. Короче, – он устало ударил ладонью по столу, – если можешь, прости, и давай не будем смотреть друг на друга волками... Ты – мой родной сын, Юра, и я действительно рад, что ты ко мне приехал. Что еще я могу сказать?! А если совсем уж по-мужски... Не заставляй меня унижаться, парень, я этого не люблю. Просто больше не расстаемся – и точка, о'кей? Юрий свет Леонидович! Надо же, блин...

– Я прощаю тебя, папа, – дрогнувшим голосом проговорил Юрка. – И если ты действительно этого хочешь, я останусь здесь. С тобой...

Повинуясь внезапному порыву, Юрка встал из-за столика и шагнул навстречу пружинисто поднявшемуся сразу вслед за ним, сдержанно улыбающемуся Флоренскому.

Крепкое мужское рукопожатие сменилось не менее крепкими объятиями. Хлопая отца по спине, Юрка вдруг подумал, что еще никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым. Есть, есть на свете бог! Забрав к себе мать, он тут же вернул ему потерянного когда-то отца. Сжимая в объятиях этого совсем незнакомого, пахнущего горьковатым парфюмом и большими деньгами нувориша, сумевший не сломаться в аду чеченской мясорубки Юрка вдруг понял, что плачет, и – странное дело – нисколько этого не устыдился...

Глава 8

– Знаешь что, сынок, пошли лучше ко мне в кабинет. Нечего тут шоу устраивать, – отстранившись от Юрки и зыркнув по сторонам, чуть сконфуженно предложил Леонид Александрович, сгребая со столика телефон, сигареты и зажигалку.

– Я тут всякого назаказывал, надо рассчитаться, – уже без прежней твердости, больше для порядка, пробормотал Юрка.

– Еще раз скажешь что-нибудь в этом роде, я на тебя обижусь, – строго предупредил Флоренский, легонько подталкивая сына прочь от столика. – Лакин сказал официантке, что ты – мой гость. А с гостей, как известно, за угощение денег не берут... Тем более что ты даже не гость, ты – мой ближайший родственник!

– Чего это мы все обо мне, сам что-нибудь расскажи, – уже немного освоившись с непривычной для себя ролью папиного сына, попросил Юрка, когда они бок о бок спускались в игровой зал. – Мне тоже интересно, как ты жил последние двадцать лет...

– Так почти нечего рассказывать, Юра, – вполголоса пробормотал Флоренский, на ходу кивком головы поздоровавшись с сидевшим за рулеточным столом худощавым типом явно бандитского вида с двумя синими наколками в виде перстней на пальцах жилистых рук. – Я сам родом из Карелии, поселок Лахденпохья. Глушь несусветная! Свинтил оттуда сразу после школы. В Питере учился в университете, на историческом факультете, потом в Вологде был два месяца на стажировке у профессора одного дурковатого. С матерью твоей роман закрутил...

Открыв дверь за стойкой бара, хозяин казино пропустил Юрку в короткий коридор, который заканчивался ведущей наверх узкой деревянной лестницей.

– А в самом начале восьмидесятых понял, что история и пыльные архивы – это не для меня, и занялся фарцовкой, – хохотнул Флоренский. – Специализировался на видеотехнике и предметах антиквариата. Короче, на две-три «Волги» в месяц зарабатывал, – заметил не без гордости.

– Не хило! – присвистнул Юрка, первым поднимаясь по двухпролетной лестнице и входя в небольшой, со вкусом декорированный холл. Здоровенный, как и все секьюрити «Полярной звезды», охранник при виде босса вскочил со стула и выпятил грудь, а Юрку окинул настороженным взглядом бультерьера. – А дальше, па? Люблю такие истории!

– Погоди-ка, – умирил Юркино любопытство Флоренский и обратился к охраннику: – Значит, так, Игорь. Вот этот молодой человек, с которым ты говорил утром, мой сын. Зовут его Юра. Для него я всегда на месте, – и, подумав, добавил сухо: – Разумеется, за исключением случаев, когда меня нет ни для кого. Понял?

– Понял, Леонид Саныч, – кивнул амбал, еще раз, словно запоминая, с головы до ног оглядев Юрку. – Я ведь не знал, что у вас есть еще один сын...

– Теперь знаешь, – отрезал Флоренский. – Между прочим, Юра тоже воевал в Чечне, как и ты, только уже в эту войну.

– Понял, – повторил коротко стриженный громила и уже с иным интересом поглядел на Юрку. – Как там сейчас, братан, жарко? Или при новом хозяине прижали бородатых к ногтю? Нас, блин, по три раза на один аул кидали. Только войдем – сразу объявляют перемирие...

– Один чеченец – пастух, два чечена – базар, три чечена – уже банда. А банду нужно кончать, – припомнил Юрка любимую присказку своего комвзвода и вслед за Флоренским вошел в просторный, обставленный дорогой мебелью кабинет. Прикрыл за собой дверь и, повинувшись жесту отца, опустился в одно из белых кожаных кресел, стоявших возле журнального столика. Помолчав, глухо спросил: – Значит, у тебя есть еще один сын? И, как я понимаю, жена?

– Есть, Юра, – кивнул Леонид Александрович, доставая из стенного бара бутылку виски и два пузатых стакана с толстым дном. – Хотел тебе сразу сказать, но потом решил, что лучше

вы сами позже познакомитесь... – Открутив пробку, разлил в стаканы тягучую маслянистую жидкость и сел в кресло напротив. – В общем, мы поженились с Катериной еще на первом курсе, задолго до знакомства с твоей матерью. Потом родился Руслан. Потом разругались, она с малым уехала к себе в Новгород, она родом оттуда, а я в Вологду... Лет пять жили отдельно, я пару раз приезжал, но эта сука на пару с каргой-тещей даже на порог дома не пускали. Пацана только издали видел... Потом, когда старуха откинула копыта, Катька узнала от своей питерской подруги, что я фарщую, купил квартиру в центре, у Пяти углов, дачу на побережье, иномарку, бабкок хватает. Продала дом и однажды утром вместе с сыном притащилась ко мне с чемоданами...

Не дожидаясь поддержки, Флоренский залпом опрокинул в себя виски, закурил и, разогнав рукой дым, налил себе снова.

– Я знал, что она, тварь, там, в Новгороде, работала официанткой в кабаке, где постоянно ошивались рыночные фруктовые заправилы! Честных целок-недавалок ни в какие времена в такого рода заведениях не держали, а стало быть, Катька пихалась с черными – за презенты всякие и так, удовольствия ради.

Ненасытная была, сучка... Но на нее мне тогда было плевать, я думал только о Руслане. Короче, пустил их назад. Стали снова жить вместе... Только спали с той поры хоть и в одной спальне, но на разных кроватях. Я не из тех, кто заходит отлить в подворотню, где мочатся все шелудивые кобели подряд!

Слушая неожиданные откровения Флоренского и пригубляя из стакана заморскую янтарную самогонку, Юрка старался переварить мысль, что этот летний день дал ему не только родного отца, но еще и старшего единокровного брата. Чудная штука жизнь. Иные ее повороты и зигзаги куда невероятнее выдуманных латиноамериканских страстей.

– Через полгода я скорешился с одним тертым типом, без пяти минут законником, и, оставив Катьку с Русланом в Питере, уехал сначала в Польшу, а потом – нелегалом во Францию, где была серьезная тема для бизнеса, – продолжал увлекшийся Флоренский. Игорный воротила неожиданно нашел собеседника, которому можно было без риска излить душу, говорить, как с самим собой. – Поначалу дела круто пошли в гору, но французские компаньоны меня подставили, и я едва не подсел в торбу по полной программе, лет на двадцать. Чужую мокруху хотели на меня повесить, сволочи... Адвокат-проньера выручил. Правда, за это пришлось через оставшихся на свободе дружков отстегнуть ему треть всего заработанного!

– Свобода бесценна, без нее все теряет смысл, – вставил Юрка. – Главное – выпутался, а деньги – дело наживное.

– Да уж, – осклабился бизнесмен. – В общем, депортировали меня назад в Союз, а тут уже полным ходом перестройка, еще тридцать штук деревянных нужному человеку сунул, и отвязались. Ну а дальше – по традиционной схеме! Кооператив, фирма, и вот в конце концов открыл этот ночной клуб. Может, через годик-другой еще один организуем. Как карта ляжет... Ну, вопросы есть, Юрий Леонидович?

– Вроде нет, – пожал плечами Юрка. – Только ты не сказал насчет жены и Руслана, где они сейчас?

– Жены больше нет, – нахмурившись, сообщил Флоренский. – То есть она, конечно, есть, жива-здоровая, но... Пока я был в Европах и регулярно через корешей засылал ей дорогие шмотки, чтоб продавала и жила по-людски, эта тварь сбросила парня в интернат, а сама спелась с одним картежником-альфонсом. Когда я вернулся в Питер, она была с ним в Сочи, помогала кидать богатых лохов в катранах... Пацана я из интерната забрал, а ее, когда с юга прикатила (хахался ее сочинские воры на перо посадили), отмудохал, как бог черепаху, и вышвырнул пинком под зад. Сейчас живет где-то на гражданке, курва, сидит без работы. Есть у меня подозрение, что Руслик ее иногда навещает, денег дает, но мне он ничего не говорит... Плевать я на нее хотел!

– А где Руслан живет, с тобой?

– На фига ему это нужно, двадцать шесть лет амбалу?! – хмыкнул коммерсант. – У него свой коттедж за городом, квартира в центре, девки всякие. У меня работает. Оперативный уполномоченный по особым поручениям, – хитро прищурился Леонид Александрович, смежив Юрку оценивающим взглядом, словно решая: подходит тот или нет? Помолчав, сказал осторожно: – Вот отдохнешь чуток, обживешься, и я тебя к нему на стажировку пристрою. На таких важных местах, Юрик, надо держать только тех, в ком ты уверен на все сто, кто не продаст тебя предложившему больше... А разве есть кто-нибудь ближе родного сына?

– Разумеется, нет, – согласился Юра. – Только... если не секрет, в чем заключается работа?

– Не секрет. Решать возникающие в процессе ведения бизнеса проблемы, – серьезно ответил Флоренский. – Серьезная работа для настоящих мужиков со стальными нервами. В бизнесе разные заморочки возможны, и люди попадают разные. Иногда приходится перегибать палку, но иначе нельзя. Словами сейчас не запугаешь и не заставишь вернуть просроченные долги... Теперь понятно, почему чужих, для которых важны только деньги, опасно ставить на такое дело? Даже таких проверенных нестигаемых дзержинцев, как подполковник Борька Лакин. Случись что, тут же подожмет хвост. Наемники запросто сдадут с потрохами...

– Опасные игры смутного времени, – философски подытожил Юра, чуть нахмурившись.

– Жизнь вообще штука опасная. Говорят, от нее умирают, – усмехнулся Флоренский. – Один мудрый человек сказал: «Государство, которое не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую». Я это понимаю так: лучше свои проблемы решать самостоятельно, иначе за тебя это сделают другие. Согласен?

В словах отца, безусловно, был смысл, и Юрка, не задумываясь, кивнул. Хотел было открыть рот, но Флоренский его опередил:

– Впрочем, если не хочешь составить компанию брату, подыщу тебе в клубе место поспокойнее. Нет проблем. Только, сынок, если мне не изменяет память, полчаса назад ты вообще готов был идти в ОМОН и подставлять голову под пулю за триста баксов в месяц... Вот я и подумал, что решать вопросы вместе с Русланом и его ребятами будет для тебя самое подходящее... Работать на свою семью, на себя самого не то же самое, что на государство. Оно, случись с тобой беда, никогда не поможет! Я не прав?! Хотя, как говорится, хозяин – барин...

– Прав. Не надо ничего искать, я согласен.

Когда отец чуть было не назвал его трусом, Юрка отбросил колебания. Не нужна ему тихая, сытая и непыльная работа под папиным крылышком. Хотя стоит сказать всего одно слово, и отец тут же подыщет ему теплое местечко. Подучит чуток и поставит его, бывшего морпеха, присматривать за работой крупье или еще за кем из персонала казино... Но как это будет выглядеть со стороны? В то время когда твой крутой старший брат, правая рука отца, решает возникающие у казино проблемы?! Мужская работа за правильные деньги – это именно то, что ему надо!

– Ну, честно говоря, я и не сомневался, – полуулыбнулся Флоренский и поинтересовался: – Кстати, Юрий Леонидович... Какое имя-отчество стоит в вашем паспорте?

– Отчество твое, не переживай, – ответил Юрка. – А фамилия мамина, Величко. Я понимаю, к чему ты клонишь, отец, только давай пока не будем трогать эту тему. Ради маминой памяти. Может, когда-нибудь потом...

– Дело твое, – примирительно пробормотал Леонид Александрович. – Ладно, давай займемся твоей квартирой. – Он загасил окурки, снова взял в руки сотовый телефон и быстро набрал номер. На сей раз послышались длинные гудки. Юрка отчетливо слышал их в тишине кабинета.

– Руслан, где тебя черти носят?! – рявкнул Флоренский, услышав короткое «слушаю». – Звонил тебе трижды за последний час, а там эта овца со своей шарманкой: вне зоны и тыры-пыры. Ты что, в Гондурасе?

– Хуже. В Боливии. Батарея на мобиле села, – долетел ответ до Юркиных ушей. – А штекер для прикуривателя не фурычит, контакта нет. Пришлось заехать в магазин за новым. Что у тебя случилось, па? Опять этот долбаный Гитлер приходил?! Я ж ему, козлу, русским языком объяснил! Урою лидера!!!

– Стоп, земля, нажми-ка на ручник. В общем так, подъезжай в клуб, захвати с собой ключи от квартиры на Богатырском проспекте. Познакомлю тебя с одним нашим близким родственником, приехал сегодня утром. Будет у нас в фирме работать. Нужно определить его на недельку-другую на Богатырский. Потом квартиру поприличнее подыщем... Короче, на сегодняшний вечер пока ничего не планируй, сюрприз с продолжением я тебе гарантирую, – подмигнув Юрке, заверил старшего сына Флоренский.

– Ладно, буду через полчаса, – сухо ответил Руслан и отключился.

– Надеюсь, вы поладите, – бросая телефон на столик, сказал Флоренский. – Руслан – парень компанейский. Может, рванете куда-нибудь, отметите это дело. В приятной компании, – лукаво ухмыльнулся бизнесмен. – Только на всякий случай хочу тебя предупредить, сынок... Пока ты в нашем городе человек новый, во всем слушайся брата. Он не только старше, но и опытнее, в особенности это касается той стороны жизни Питера, про которую в газетах не пишут. А если и пишут, то сказки. Со временем сам узнаешь, кто есть кто, кто кого держит, кто под кем ходит и прочее. Усек?

– Вполне.

– И еще несколько моментов, – постукивая пальцами по краю стеклянной крышки журнального столика, продолжал наставлять Флоренский. – Следи за каждым своим словом, оно иногда ценнее золота. Попусту не болтай и в драки со всякими выскочками не лезь. Если вдруг возникнут проблемы или начнут доставать всякие уроды... хотя я уверен, что ничего подобного не произойдет, – немедленно связывайся со мной или братом! На крайний случай – с Лакиным. Номера телефонов, по которым нас можно найти в любое время дня и ночи, я тебе напишу прямо сейчас, выучишь их наизусть, как «Отче наш». Пока Руслан не ввел тебя в курс дела, не свел с нужными людьми, пока тебе не оформили ксиву на ношение пушки, для всех посторонних ты – не мой сын и не его брат. Ты просто Юра Величко из Вологды, который приехал в Питер в поисках работы, снял у тусующегося на вокзале незнакомого мужика квартиру и никого в этом городе не знаешь. Друзья армейские в Питере есть?

– Нет. У меня всего один, да и тот в Архангельске. Не волнуйся, па, я буду осторожен, – успокоил Юрка. – А насчет болтовни... я вообще просто так никогда не треплюсь. Не мужское это дело.

– С девчонками, которых будешь снимать, тоже держи ухо востро. Шлюхи – народ ненадежный, многие на крючке у ментов. Погуляли, расслабились, деньги в зубы и пинком под зад. И будет лучше, если в течение ближайших месяцев, пока не встанешь на ноги, никаких серьезных отношений с бабами у тебя не завяжется... Ты хорошо меня понял?!

– Да, папа.

– В первую очередь ты должен понять главное: теперь ты член семьи и должен подчиняться тем правилам, которые обеспечивают нашу безопасность, как личную, так и коммерческую! Ставя под удар себя, ты тем самым создаешь проблемы всем нам, которым придется тебя выручать. Запомнишь, сынок?

– На меня можешь положиться, – еще раз заверил Юрка. – Ты никогда не пожалеешь, что взял меня к себе.

– Ну дай бог, – кивнул Флоренский. – Может, еще виски?

– Честно говоря, я не любитель выпивки, – отказался Юрка. – Курить курю, а вот бухать не тянет. Кружку пива выпью с удовольствием, сотку под хорошую закуску, но не больше. Не прикалывают меня эти игры. Голова должна быть трезвой.

– Тебя послушать да на тебя посмотреть – ну просто супермен! – рассмеялся Леонид Александрович, плеснув себе в стакан немного «Теннесси» и выпив его залпом. – Рост под два метра, водку не пьешь, не болтаешь, в Чечне воевал. Морду отморозку невоспитанному набить тоже, поди, способен. По глазам вижу... Вы с Русланом в этом очень похожи. Нет, не внешне, – покачал головой Флоренский. – Тут как раз совсем наоборот – вы оба пошли в матерей. Я имею в виду характер, уверенность в себе, отсутствие страха, манеру держаться на людях. Я смотрел видеозапись твоей утренней пикировки с охранником. Молодец! Дожал Игорька по полной программе. Но, честно говоря, как раз это меня и беспокоит...

В глазах Флоренского на долю секунды вспыхнула искра тревоги.

– Ты это о чем? – не понял Юрка.

– Двум сильным мужикам бывает сложно найти общий язык. Пока вы еще не привыкли к мысли, что вы родные братья, постарайся не обращать внимания на некоторые его закидоны. Руслан – очень импульсивный, любит командовать и терпеть не может, когда ему перечат. К тому же иногда, я знаю, балуется «травой», и тогда ему в голову приходят безумные затеи, на которые лучше не покупаться. На твоём месте я бы был поосмотрительней... Но в целом он отличный парень, скоро ты сам в этом убедишься!

– Я знаю, как положено младшему брату вести себя по отношению к старшему. Днем буду пытаться во всем походить на него, а ночью – класть ему в кровать крапиву и ржавыми гвоздями прибивать к полу ботинки, – рассмеявшись, пообещал Юрка, а про себя подумал: «Вот тебя и приняли в клан самого настоящего «нового русского»... Радуйся, ты ведь этого хотел... И ради бога, не ври сам себе, что это не так!»

– Ну-ну, – ощерился Флоренский и нажал скрытую под столом кнопку вызова охраны.

Дверь кабинета тут же распахнулась, и на пороге возник секьюрити, всем своим видом демонстрируя готовность немедленно исполнить любой приказ хозяина.

– У меня важный телефонный разговор с Москвой, Игорь, минут на двадцать. Чтобы Юра не скучал, проводи его в зал к игровым столам и скажи Норе Альбертовне, что я распорядился выдать фишек на пятьсот баксов.

– Хорошо, Леонид Саныч, – кивнул охранник и перевел взгляд на слегка ошарашенного младшего наследника.

– По правде говоря, па, я до сегодняшнего дня еще ни разу не был в казино, – поспешил сообщить отцу Юрка, но Флоренский, снисходительно улыбнувшись, небрежно махнул рукой в сторону двери:

– Ничего, крупье введет тебя в курс игры. Надоест рулетка, садись на «блэк-джек». Я-то предпочитаю покер, он значительно интересней и дает возможность думать головой. Так что рекомендую. В общем, отдыхай пока, а я, уж извини, должен прямо сейчас созвониться с одним человеком в столице, – постучав пальцем по циферблату наручных часов, сообщил бизнесмен. – Когда закончу, как раз и Руслан подъедет. Иди отвлекись немного, у тебя сегодня действительно сумасшедший день...

Когда Юрка и секьюрити скрылись за дверью, Леонид Александрович снял с лица фальшивую улыбку, некоторое время задумчиво постоял посреди кабинета, глядя в пол и покусывая губы, а потом вернулся к столу, взял телефон и набрал номер Руслана. Тот ответил сразу же, словно в момент звонка держал мобильник в руке.

– Ты где сейчас? – поинтересовался Флоренский.

– В машине, в трех кварталах от клуба. Буду через пять минут.

– Давай приезжай. Есть о чем поговорить без посторонних ушей.

– А...

- Он в зале, пусть поиграет.
- Слушай, отец, – сказал небрежно Руслан. – Кто же это такой, а?!
- Твой брат, – сухо ответил хозяин «Полярной звезды». – Короче, я тебя жду...

Глава 9

Руслан выслушал Флоренского молча, ни разу не перебив и не задав ни одного вопроса. Бизнесмен был четок, конкретен и лаконичен и сумел коротко обрисовать сыну ситуацию со свалившимся как снег на голову Юрой Величко, плодом его мимолетного романа с давно забытой Надеждой из Вологды.

– Ну ты даешь! – покачал головой Руслан и с интересом взглянул на отца, словно желая найти в знакомом до мельчайших подробностей лице родителя новые, неизвестные до сей поры черты. – И много у тебя таких... Юриков по всей матушке России разбросано?

– Надеюсь, что только один, – недовольно пробурчал в ответ Леонид Александрович. – Во Франции я всех баб драл только с резиной. У них уже тогда, в восьмидесятых, СПИДа было – как грязи. А все наркота и ниггеры...

Повертев в руках склеенную из обрывков черно-белую фотографию, запечатлевшую отца в обнимку с незнакомой молодой девушкой в коротком ситцевом платье, Руслан вернул ее Флоренскому и заметил:

– Красивая была девчонка, грудка, ножки ровненькие, личико... Знаешь, я тебя понимаю! Так ты говоришь, умерла?.. А мой братец похож на нее как две капли воды?

Флоренский кивнул, пряча снимок в карман пиджака.

– Тогда почему ты уверен, что этот парень действительно твой сын? На тебя-то ведь он не похож. Ты паспорт его видел?

– Мы тогда четыре месяца практически не расставались, у Надежды не было возможности переспать с кем-то другим, – по-деловому конкретно ответил Леонид Александрович, отмечая возможность ошибки или обмана. – Так что прошу любить и жаловать. Что, не рад братану? По глазам ведь вижу...

– Да как сказать... – уклончиво ответил Руслан. – Слишком неожиданно он объявился.

– Мне, как ты, наверное, понимаешь, его визит тоже стоил пары седых волос. Только не гнать же его, в натуре, пинком под зад. Не по-людски это, как-никак родная кровь... Да и на первый взгляд малец толковый, не фраер и не трепло. Морпех из Североморска... В Чечне воевал... Их батальон – я смотрел хронику – конкретно по душманам отметился. Как ты смотришь на то, чтобы проверить его в деле?

– Легко, – пожал плечами Руслан. – Я его враз раскушу, можно даже комбинацию разыграть – для проверки нервов. Только, отец... Если ты Юрику этому на сто процентов доверяешь, уверен, что подставы нет, то почему решил поселить его в хате на Богатырском? С прослушкой и видеонаблюдением? Играет очко, па, чую, ох играет!

– Береженого бог бережет, – сухо ответил Флоренский. – Скажи Классику, пусть поживет в соседней квартире с недельку, понаблюдает за парнем, а если что интересное обнаружится – запишет на видео или хоть на аудио. Если повезет, узнаем, что у него на уме, с какими мыслями он в Питер приехал. Меня повидать или задвинуть пургу типа «рад встрече» и с ходу к кормушке присосаться... Иногда даже самые крутые мужики в постели с правильной бабой языком молотят не хуже любого Жириновского, – добавил Леонид Александрович и вопросительно посмотрел на сына.

– Хочешь, чтобы я ему биксу сладкую в кроватку подложил? – Руслан с ходу понял, что от него требуется. – Толковая мысль. Тут Клеопатра нужна, с ней любой Джеймс Бонд запоем на манер группы «Ласковый май». Она сейчас в «Прибалтийской» вахту несет, под Саввой. Заеду ближе к ночи, перетрем с сутером этот вопрос. Спектакли разыгрывать – на это она мастерица. Помнишь, как Гиви Ростовского после минета на откровенность раскрутила?! Если бы не она – втюхались бы мы с тобой по самые гланды. На сто семьдесят кусков.

– Знаешь, мне Юрка действительно понравился, но на всякий случай лучше за ним присмотреть и прокачать по всем направлениям, – прикурив сигарету, выдохнул Флоренский. – Кое-какая «капуста» у него после Чечни есть, как я понял, но это слезы. Я дам ему для начала тонн десять баксов и тачку попроще. Да вот хоть ту красную «Супру», которую твои амбалы у Бати на прошлой неделе забрали. Позвони капитану, пусть к утру в ГАИ техпаспорт на его имя оформят, чтобы прочувствовал пацан тему и с ходу ощутил себя в семье. Если я в нем не ошибся – голова у Юрки от халавы не поедет, язык будет держать за зубами, да и в деле себя нормальным мужиком покажет.

– А если нет? – резко бросил Руслан, и его темно-карие, почти черные глаза под разлетистыми бровями недобро заблестели.

– Тогда... – вздохнул Флоренский, – мы с тобой ни о каком Юре Величко из Вологды никогда в жизни не слышали. Только смотри не переусердствуй, когда на нервишки его проверять станешь! – строго предупредил старшего сына Флоренский. Заметив ленивый дежурный кивок, уточнил: – Я не в смысле невинно пострадавшего, здесь как раз чем жестче, тем нутро виднее. А к тому, что парень он хоть и молодой, но смерть уже видел. Силой от него на расстоянии пахнет. Случись что – в торец даст, не отдышишься. Не тебе, так кому-нибудь из твоих архаровцев...

– Это мы еще поглядим, – процедил сквозь зубы явно задетый за живое Руслан. – Ты только не дергайся понапрасну, па, меня внезапное появление братана само по себе не грузит. Окажется правильным пацаном, так это еще и лучше. Будет у меня младший братила, конкретный чувачок, из наших. Но, если лажанется, завоняет, тогда... Сам помнишь, как я того вице-чемпиона по боям без правил по стенке размазал. По мне хоть афганец, хоть чеченец, хоть сам Чак Норрис! На худой конец пулю в башку – и под асфальт. Или на дно свежавырытой могилки на Южном.

– Слишком-то не распаляйся, – пресек залихватский монолог Руслана Леонид Александрович. – Мне от тебя и Классика конкретный результат нужен, а не разборка, кто из вас двоих круче! Вы еще хуями померьтесь, мать вашу!

– А что, неплохая мысль, – рассмеялся Руслан. – Надо будет у сучки Клио после того, как с ним перепихнется, спросить, у кого в объеме больше и стоит дольше! Я ее на прошлой неделе в «Прибалтийской» по кумарке драл, должна помнить! В раскоряку до ванны добиралась...

– Слушай ты, половой гигант, – недобро прищурился Флоренский, наблюдая за суетливыми взмахами рук развалившегося в кресле напротив сына. – Что-то мне сегодня глазки твои блестящие не нравятся. Опять дурь смолишь? На Шанхая посмотри! Каким он был три года назад и каким стал сейчас! Тоже с «травки» начинал и заверял, что марихуана совершенно безвредна! И где он сейчас?! В жопе!!!

– Не наезжай, – поморщился Руслан, отводя бегающий влажный взгляд в сторону. – Сам знаю, что мне делать. Ты мне дебила этого в пример не ставь, у него, узкоглазого, наследственность гнилая – одни наркоши. Я на кокс и герыч с «травы» не соскочу, не ссы. Это так, расслабиться слегка...

– Значит, так! – Флоренский хлопнул ладонью по столу. – Последнее тебе китайское предупреждение. Потом не обижайся. Еще раз увижу обдолбанным, вызову бригаду с Приозерска. Там в психушке жлобы конкретные, им твоя крутость по херу. Скрутят, швырнут в клетку и загонят в вену «карлика». От одного запаха конопки целый год будешь блевать до посинения и в штаны гадить. Не можешь сам отказаться от дури, поможет добрый доктор Айболит. Мне наркоман в семье не нужен. Лови тему.

– Ладно, кончай грузить, – огрызнулся, доставая сигарету, Руслан. – Пошли лучше с братеньником знакомиться. Новичкам, говорят, в азартных играх везет. Вот узнаешь, на сколько он крупье опустил, будешь репу чесать: на фига только фишки дал!

– Он и должен выиграть, – пропустив подначку сына мимо ушей, серьезно ответил хозяин казино, вставая из-за стола. – Я тебе, кажется, говорил, что подкину ему десять тонн наличными. Но не из рук в руки... Несколько золотых фишек – сущая ерунда, а трижды подряд сорвать банк на покере ему, везунчику, удалось уже самостоятельно. Пусть Малыш подержит в руках настоящие, честно выигранные им в папином казино деньги...

– Малыш?! – расхохотался Руслан. – О'кей, папа, пускай будет Малыш! Но тогда кто ты?

– Разве не догадываешься, сынок? – удивленно поднял брови Флоренский, покидая кабинет. – Я тот самый толстяк Карлсон, который живет под собственной «крышей» и никому не платит...

Глава 10

Весь следующий день я провел в Троицком храме. До начала утренней службы мне удалось немного вздремнуть в комнате протоиерея на диванчике, так что бессонная ночь уже не так сильно сказывалась на моем физическом состоянии. Чего нельзя было сказать о душевном. Даже когда я читал молитвы перед ликом Спасителя и по просьбе прихворнувшего отца Сергия крестил младенцев, постоянно ловил себя на том, что мои мысли находятся далеко отсюда и обращены, увы, совсем к иным делам.

Я дал милиции и спецслужбам такой материал, что не найти сатанистов было бы просто преступно. В течение нескольких часов отыскать бокс, куда отогнали для ремонта помятый джип, среди тысяч официальных и кустарных автомастерских действительно не так-то просто даже для целой армии участковых. Куда проще, не забывая о джипе, идти по другому пути: раз в городе существует ночной клуб, в котором «выступала» рок-группа с тошнотворным названием, менеджер этого заведения должен знать как минимум контактный телефон продюсера. И, если перед клубом замаячит реальная перспектива закрытия, вряд ли менеджер будет молчать... Ночных клубов, рискнувших предоставить свою сцену для сатанинского шоу, даже в таком огромном городе, как Питер, вряд ли наберется более десятка.

Одним словом, я ждал самых скорых результатов и думал только о спасении девочки. И, когда баба Маша, работающая в церковной лавке, подошла ко мне и осторожно тронула за локоть, я не сразу понял, чего она хочет от меня.

– Батюшка Павел... Тут один мужчина опять вас спрашивает... Он еще до вашего приезда несколько раз приходил, все интересовался, когда будете. Говорит, что хочет исповедаться лично у вас! Станный какой-то...

– Вот как? – Очнувшись, я поставил в серебряный шандал свечу за упокой души Вики, перекрестился и, обернувшись, стал глазами искать человека, который меня спрашивал. – Где же он?

– Эвон, возле лика архистратига Михаила стоит, в куртке замшевой. Небритый, как басурманин. Подойдете али как? – спросила баба Маша с любопытством.

В моей груди что-то ворохнулось. Примерно такое же ощущение я испытал несколько лет назад, когда генерал Корнач пришел сюда в пасмурный, дождливый день и предложил мне, в прошлом офицеру ВДВ, стать протоиереем церкви на острове Каменном...

– Обязательно, – ответил я на вопрос бабы Маши и направился через весь храм к высокому широкоплечему незнакомцу лет сорока пяти, неподвижно застывшему перед иконой предводителя небесного воинства. К ее окладу кто-то из прихожан прикрепил, желая освятить, фотографию двадцатилетнего юноши, о котором рассказал в день моего приезда отец Сергей. Этот паренек погиб в Чечне – погиб за веру, приняв мученическую смерть от боевиков-наемников. Он отказался добровольно снять с себя православный крест, отречься от Бога и принять мусульманство. «Воины ислама», озверевшие от такой стойкости русского солдата-разведчика, поочередно отстрелили ему все пальцы на руках, выкололи глаза, после чего прибили к кресту и с еще живого сняли кожу. Распятый мученик умирал несколько часов...

Мне почему-то сразу показалось не случайным, что пришедший на исповедь мужчина стоит именно у этой иконы.

– Здравствуйте. – Я остановился рядом и с интересом разглядывал этого странного человека, задаваясь вопросом, почему он пожелал исповедаться у священника, который давно не служит в этом храме и приехал в Петербург всего на несколько дней. – Мне передали, что вы хотели исповедаться в грехах своих и получить прощение господне?

– Мне трудно рассчитывать на прощение, – не отрывая взгляда от фотографии, надломленным голосом произнес мужчина. – Я-то не могу простить тех, кто лишил меня моей про-

шлой жизни... Хотя все они уже давно мертвы и убил их я вот этими руками... Знаете, отец Павел, а ведь мой сын воевал вместе с этим парнем в Чечне, – глухо проговорил незнакомец.

– Ваш сын военный? Он... погиб?

– К счастью, нет. – Тонкие бескровные губы мужчины чуть заметно дрогнули. – Он жив, как и мы с вами... И завтра у него свадьба... Вас, отец Павел, наверное, больше всего интересует, почему я хотел поговорить именно с вами? – Незнакомец наконец обернулся и пристально посмотрел мне в глаза. И у меня в груди снова что-то шевельнулось, хотя я был совершенно уверен, что прежде мы никогда не встречались.

– Я знаю, кто вы, – четко произнес мужчина. – А точнее – кем вы были до тех пор, как стали священником... Откуда знаю – не скажу, это не суть важно. Главное, что вам... только вам одному я доверяю полностью и хочу рассказать историю своей жизни. Сейчас у меня такое чувство, что я дошел до глухой кирпичной стены, за которой ничего нет...

– Многие приходят в храм, чтобы вновь обрести себя, впустить в сердце истинную веру и начать жить заново. Я готов выслушать вас, – кивнул я, выдержав его тяжелый испытующий взгляд. Это был скорее взгляд дикого зверя, хищника, а не раскаявшегося грешника! В глубине этих некогда голубых, а ныне словно выцветших глаз, окруженных сетью мелких морщин, я видел лишь пустоту и холод. От них веяло смертью.

Я провел незнакомца в ту часть храма, где нам никто не мог помешать, и спросил:

– Как ваше имя?

– У меня было много имен, – будничным тоном ответил незнакомец. – Когда-то крестили Сергеем.

– Каждому есть в чем покаяться перед господом нашим. Вы должны быть искренни, Сергей, и помнить, что тайна исповеди священна и ни под каким предлогом не будет оглашена. – Понимая, что рассказ незнакомца будет длинным, я предложил ему присесть, и мы сели на скамью, стоявшую у стены.

– Вам я верю, отец Павел. В чем-то наши с вами судьбы очень похожи. Я много знаю о вас, так получилось... В прошлой жизни и вы, и я были кадровыми военными, офицерами. Держали в руках оружие, убивали врагов и при этом искренне верили в то, что выполняем свой долг перед Родиной. А потом вдруг поняли, что многие наши святыни на самом деле не более чем химеры... Отчасти по стечению обстоятельств, отчасти из-за ранений мы оба перестали носить погоны и вернулись на гражданку. Мы и не подозревали, что в так называемом мирном тылу уже давно идет своя война. Необъявленная, беспощадная и не менее кровопролитная. Когда сын ради денег вдруг стреляет в отца, брат – в брата, а близкий друг в любой момент может продать тебя куда дешевле, чем за тридцать сребреников... Мы вернулись с войны домой и увидели, что за те годы, пока мы воевали за интересы Родины, дома многое изменилось... Не только в политике, но и в людях...

Сергей замолчал. Некоторое время он глядел на меня в упор, словно ждал подтверждения своим словам, а потом опустил глаза, вздохнул, покачал головой и, понизив голос почти до шепота, продолжал:

– Вот здесь-то наши с вами судьбы и разошлись. Вы, хватив лиха через край, обратились к богу, приняли сан, а я... Я уже не мог жить без войны. Подлечившись, прошел медкомиссию и поступил на службу в милицию, очень быстро стал командиром спецподразделения. Теперь у меня снова была война. Только я уже не думал об интересах Родины, а бил всякую уголовную бандитскую нечисть ради своей жены, своей дочурки, своего почти взрослого сына. Как оказалось, на этой войне куда труднее, опаснее, страшнее... Там, за горами, все было понятно: вот мы, вот они. Ошибиться невозможно. А здесь врагом мог оказаться любой из твоих бывших приятелей, однокашников, великовозрастных балбесов – друзей сына, служащего в армии, а то и кто-нибудь из милых старичков-соседей, с которыми каждое утро выгуливаешь собаку в парке возле дома. – Бескровные губы Сергея вытянулись в прямую линию. – Одним словом,

я был ментом, командиром боеспособного подразделения, которое запросто могло бы совершить государственный переворот в какой-нибудь банановой республике. Я захватывал бандитов, убийц, насильников и воров в законе, вытаскивал их за шиворот из ресторанов и притонов, крошил зубы, бросал мордой об асфальт. Но, как выяснилось вскоре, только для того, чтобы спустя сутки-другие продажная прокуратура отпустила их на свободу! Я видел, как эти фиксатые ухмыляющиеся рожи, победители, хозяева жизни, окруженные челядью и телохранителями, с торжествующе наглым видом неспешно выходили из КПЗ, садились в дорогие автомобили и прямо с нар отправлялись смывать пот в сауны!

В тишине опустевшего храма было отчетливо слышно, как скрипнули зубы Сергея, как участилось его дыхание.

– В мой адрес десятки раз поступали угрозы, на которые я мало обращал внимания. Погибнуть в перестрелке, в рукопашной схватке во время очередной операции по освобождению заложников или взятию наркоцеха я не боялся. Это могло случиться в любой день с любым из нас, и это была наша работа. – На небритом лице Сергея перекатывались желваки. – По-другому они не могли достать меня, только лицом к лицу. Взятки я не брал, с крестными отцами водку не пил, любовниц не имел, кокаин не нюхал, а все телефоны, адреса и имена сотрудников спецназа засекречены. Доступ к базе данных имеет очень ограниченный круг лиц, и каждого из них ведет служба собственной безопасности МВД. Моим единственным слабым местом была семья, но я верил, что режим секретности надежно защищает семью командира отряда от возможной мести бандитов... Как оказалось, ошибался. Они раскрутили одного из посвященных кадровиков, вычислили мой адрес и нанесли ответный удар! Это произошло в день двенадцатилетия дочурки. Сына, недавно вернувшегося со срочной службы, не было дома. Он неожиданно для меня поступил на службу в транспортную милицию и в тот день «прописывался» в кругу коллег... Трое бандитов во главе с одним известным питерским авторитетом, которому мой отряд едва не сломал хребет, уничтожив десятки килограммов героина, ворвались в квартиру, захватили жену с дочкой, дождались, когда я вернусь с дежурства домой, и под пушкой заставили жену открыть дверь. Любая женщина на ее месте... она не могла допустить, чтобы дочку... Я не вправе винить ее. Хотя дай она знак, крикни – и расклад мог быть совсем другим! С седьмого этажа не убежишь!.. Ослепленные жаждой мести, уверенные в удаче, эти козлы сами загнали себя в ловушку...

Судорога исказила скуластое лицо Сергея. Я понимал, как тяжело ему вспоминать об этом кошмаре.

Единственное, что я мог для него сделать, – это спокойно выслушать исповедь до конца.

– Когда я вошел в прихожую, меня сзади оглушили рукояткой пистолета, пристегнули наручники к батарее и заставили смотреть, как насилуют, а потом и убивают двух самых близких мне людей... Братки не скрывали своих лиц – зачем?! Ведь покойники, даже бывшие офицеры спецназа, не умеют разговаривать... Я был от жены и дочурки на расстоянии чуть больше вытянутой руки, но ничем не мог им помочь! Даже согласившись на любое условие этих скотов, я не спас бы их. Даже начни я ползать на коленях, пускать слюни и молить о пощаде. Они пришли не для вербовки, а только чтобы всласть поглумиться. Завершив расправу, бросили к моим ногам истерзанные тела, открыли на кухне краны газовой плиты и водрузили на стол в комнате, где я находился, подсвечник с тремя горящими свечами. А потом ушли, заперев дверь на ключ... Я как мог боролся с угарным сном, сначала пробовал освободиться от наручников, затем решился зубами перегрызть себе руку, но тут стал стремительно терять сознание. Меня спас сын... Иван вернулся домой, когда до взрыва оставались считанные минуты. Увидел страшную картину, понял, что произошло, сумел перебороть шок и, выключив газ, распахнул все окна в квартире. Только после этого упал на колени перед изуродованными телами матери и сестренки, закрыл ладонями лицо и зарыдал...

Сергей замолчал и долго глядел мимо меня в пространство, по щеке его скатилась слеза – след незаживающей душевной раны. Я понял: в тот кошмарный вечер начался для Сергея отсчет другого времени. В душе его не осталось ничего, кроме жажды мести. И, судя по вскользь оброненной им фразе, в конце концов он свершил свой суд, что не дано было мне, когда я потерял Вику и неродившегося сына... Он нашел и уничтожил убийц.

– Когда я попросил командира РУБОПа доверить мне розыск, меня, от греха подальше, вообще отстранили от службы и посоветовали пройти психологическую реабилитацию! И я поклялся, что отомщу сам, в одиночку, – хриплым голосом продолжал бывший командир спецназа. – Я бросил удостоверение в толстую рожу подполковника, хлопнул дверью и навсегда ушел из органов. У меня оставались кое-какие сбережения, амуниция, несколько «чистых», незарегистрированных стволов, так что голодать и искать оружие возмездия не пришлось... В течение нескольких месяцев жил нелегалом, выслеживая убийц жены и дочурки. Потом расправился с ними со всеми... Но не ощутил ни малейшего облегчения. Наоборот. Вся эта жирующая, ворующая и быкующая на свободе мразь и раньше мозолила мне глаза, а теперь один вид бритой башки и висящей на шее «голды» вызывал у меня желание убивать голыми руками! Убивать и убивать, пока хватит сил... Мне стоило огромных усилий держать себя в руках... Однажды мне позвонил знакомый банкир и сообщил, что боевики одного вора в законе, приговоренного сходянком к смерти, решили по-легкому срубить кучу баксов и вместе с бугром скрыться за границей. Эти гады убили парня-охранника, гувернантку и похитили дочку банкира, требуют выкуп... Я поднял свои связи, поднапрягся и, разделившись с похитителями, спас девочку... Когда все закончилось, отец ребенка в качестве гонорара передал мне «дипломат» с деньгами, чего я вовсе не ожидал. Это была огромная сумма – двести пятьдесят тысяч долларов. Первые деньги, полученные за чужую жизнь...

– Значит, так вы стали наемным убийцей? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес я. – И тем самым из жертвы превратились в преступника... Возможно, более кровавого, чем те, кто лишил вас семьи...

Пока он говорил, меня не покидало ощущение, что всю эту историю я где-то уже слышал. Но где именно – никак не мог вспомнить.

– Я не наемный убийца, – покачал головой Сергей, щелкнув костяшками пальцев. – Во всяком случае, я не считаю себя наемником... Я убивал не ради денег. Закон против мафии бессилен, опухоль уже давно перешла в стадию раковой, и лечить ее можно только скальпелем. Несколько лет подряд я уничтожал паразитов, которым, я уверен, не должно быть места на земле! Абсолютное большинство ликвидаций вообще не оплачивалось, заказчиком и исполнителем выступал я сам. Мишенью всегда были только самые гнусные твари, отбросы рода человеческого. Я судил их своим личным судом и приговаривал к смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.